

А.С. Демин. Портрет. XI. 2019 г.
Автор работы — Дарья Первушина
Instagram: @dasha_anihsuvrep

Anatoly S. Demin. Portrait. November, 2019
Author — Daria Pervushina
Instagram: @dasha_anihsuvrep

DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-5-65

А. С. Демин

МАТЕРИАЛЫ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОДИКОЛОГИИ (о девяти сборниках XI–XVII вв.)

Аннотация: Зачем изучать изобразительность древнерусских произведений, если их авторы трудились в основном над воплощением идей? Всё зависит от задач, которые историки литературы ставят перед собой. Новой задачей в настоящее время является построение истории древнерусской литературы по **степени литературности** и богатства художественного смысла ее памятников — отдельных произведений и сборников, рукописных и старопечатных. Такой ценностный подход (правда, он не всем по душе) совершенно меняет общую картину древнерусской литературы как некоего «пространства», составленного из произведений, контактирующих с художественным центром литературы, чаще — с менее литературными окраинами и еще чаще — с почти нелитературными окрестностями. Мы исходим из представления, что по степени литературности и по дополнению скрытого смысла древнерусские описания разного рода делятся на три категории: 1) выразительные — со стройной формой и композицией; 2) изобразительные — с предметными деталями, которые ассоциируются автором в цельный объект и цельное качество; 3) образные — когда автор переносит признаки одного объекта на совсем иной объект. Усиливают, делают более яркими и содержательными подобные описания нетрадиционность действий автора и эмоциональность его изложения. В данном случае речь пойдет только о сборниках как литературных памятниках.

Ключевые слова: рукописные сборники, литературность, изобразительность, художественный смысл.

A. S. Demin

THE MATERIALS ON LITERARY CODICOLOGY (ON NINE COLLECTIONS OF THE 11TH–17TH CENTURIES)

Abstract: Why study the pictoriality of Old Russian texts, if the authors worked mainly on the embodiment of ideas? It all depends on the tasks that literary historians have set themselves. A new task at present is the construction of the history of Old Russian literature according to the degree of literature and the richness of the artistic meaning of its texts — individual works and collections, manuscripts and early printed. Such a value approach (though it is not to everyone) completely changes the general picture of Old Russian literature as a kind of “space” composed of works in contact with the literary center of literature,

more often with less literary margins and even more often with almost non-literary surroundings. We proceed from the idea that according to the degree of literature and to the addition of the hidden meaning, Old Russian descriptions of various kinds are divided into three categories: 1) expressive — with a harmonious form and composition; 2) pictorial — with the subject details that the author associates as a whole object and whole quality; 3) figurative — when the author transfers the features of one object to a completely different object. Such descriptions are reinforced, brighter and more meaningful by the non-traditional actions of the author and the emotionality of his presentation. In this case, we will only talk about collections as literary texts-monuments.

Keywords: manuscript collections, literature, pictorial representation, artistic meaning.

1. О предметности изложения и предназначении «Изборника» 1076 г.

О поэтике, т. е. о литературной стороне «Изборника» 1076 г. написано очень мало: небольшие работы Л.И. Сазоновой (о ритмике изложения) и Н.Н. Розова (о первой статье сборника) в сборнике статей «Культурное наследие Древней Руси» 1975 г. и ниже цитируемая статья Д.С. Лихачева 1990 г. о предназначенности «Изборника». Добавим еще тоже небольшую статью — на этот раз о предметных деталях в текстах сборника.

На хозяйственно-бытовые детали в поучениях «Изборника» 1076 г. писца Иоанна (РНБ, Эрмитажн., № 20, малая 4°, 277 л.)[1] исследователи обратили внимание уже давно, однако мимоходом, занимаясь преимущественно палеографическими, лингвистическими и текстологическими наблюдениями. Мы же скажем о литературных предметных деталях подробнее, обозревая «Изборник» в его цельности, не указывая его статей, почти всегда мелких.

Наиболее часто в «Изборнике» упоминались предметы домашнего обихода: одежда (ризы, заплатки, гривны); посуда (сосуды, чаши); свечи; зеркала; постель; еда (мед, хлеб, вода) и пр. Не менее часто обозначались позы людей в быту — смиренные, болезненные, просительные, угрожающие, осуждающие, испуганные и т. д. Лица упоминались

[1] «Изборник» 1076 г. цит. по: [1].

нередко и их части (очи, перси, уста, зубы). Гораздо реже говорилось о предметах наружного мира (улицах, садах, ступеньках, палатах) и еще реже — о природе (единичные упоминания о реке, облаках, мгле, воронах и пр.)

Сосредоточенность на бытовых деталях подтверждает давно известное — во-первых, камерную, «домашнюю» стилистическую предназначенность сборника и, во-вторых, опору на не очень подготовленного читателя, не философа. На то же указывает и внешний вид сборника: простота рукописи, плохой пергамен, краткость статей, скромность и небрежность украшений [1, с. 33, 63, 67]. Недаром писец в своей заключительной записи в отличие от уважаемых княжеских «книг» назвал свой сборник «книжкой»: «Коньчяшя ся книгы сия <…> избьрано из мъногъ *книгъ* княжихъ <…> Кончяхъ *книжькы* сия <…> Аминъ» [1, с. 700–701].

Но какова степень подобного стремления составителя литературной упрощенности изложения? Вот еще некоторые факты поэтики сборника.

Иногда предметность изложения в «Изборнике» переходила в изобразительность, обычно во фразах с двумя или более предметными деталями. Как правило, это не просто обозначение, а уже изображение поз и поведения персонажей. Правда, очень редко использовались развернутые картины поз и поведения вроде такой: «Буди понижен главою <…> очи имея въ земли <…> уста сътиштена <…> нози тихо ступаюшти <…> съгъбене имеи» [1, с. 165–166]; «серафимомъ престояштемъ, херувимомъ надъпаряштемъ, лиця закрываюштемъ» [1, с. 670].

Обычно изображения поз были лаконичны: «главою своею покываеть, и въсплещеть рукама своима, и много пошьпчеть» [1, с. 400]. Или еще короче: «предъ двьрьми твоими стою, руку простьръ» [1, с. 446–447]; «възлегъ на мъногомягъце постели и пространо протягая ся» [1, с. 232]. Или максимально кратко: «не часто озираи ся назадъ» [1, с. 660]; «рука твоя буди на устехъ твоихъ» [1, с. 325].

Сравнительная редкость и усеченность изображений поз свидетельствует о том, что для составителя «Изборника» главной целью являлась все-таки не изобразительность описаний, а их понятность для «простеца».

В «Изборнике» достаточно часто различными бытовыми предметами и объектами природы в доступной форме пояснялись нормы

благочестивого поведения и разные жизненные обстоятельства: «храни свештю отъ ветра и молитву же отъ лености» [1, с. 220]; «тело бо наше есть, акы риза: да аще хранити, то търпить; аще повържеши, то из(*г*)ниеть» [1, с. 623]. Агрессия: «врази же твои, яко *облакъ*, покрыють тя» [1, с. 265]; «въргыи на *пътице* камень <…> тако же иже поносить другу своему» [1, с. 364–365]. Отказ от общения: «Отъвраштяи ся ласкавець льстьныихъ словесъ, яко и *врановъ* — искалауть тя» [1, с. 265]. Бедность: «имение неправьдьныихъ, яко *река*, исхънеть» [1, с. 409]. Облегчение: «милостини въ время скърби, яко же и *облаци дъждевьныи* въ время ведра» [1, с. 352–353]. Защищенность: «акы *дымъ* расходяшту ся, клевету» [1, с. 289]; «*Другъ* верньнъ — кровъ крепъкъ» [1, с. 329]; «храни ся оть него (врага) и будеши ему, яко *очиштуно зърцяло*» [1, с. 398[. И напротив — духовная поврежденность: «сердце буяго, яко *съсудъ утьлъ* — вьсякого разума не удрьжить» [1, с. 380]; «*съсудъ* не прииметь воды *без дьна* — ни поста Богъ бесъ (с)мерения» [1, с. 620]. И пр.

В общем, этот вид изобразительной предметности изложения даже усиливал ориентацию составителя «Изборника» на практичного читателя.

Еще один вид более или менее бытовой предметности изложения в «Изборнике» выражался в традиционном «опредмечивании» абстрактных богословских понятий. В качестве примера ограничимся словоупотреблением абстрактного понятия «душа» в сборнике. Во-первых, душа двигается как некое существо: «не ходи въ следъ душа своея» [1, с. 323]; «*ошьдъшяя* отъ насъ душя <…> то въ аде суть исподь подъ вьсею землею и подъ морьмь» [1, с. 521]; «егда душа *изидеть* от тела, *идуть* съ нею ангели» [1, с. 638] и др.

Во-вторых, душа — это как бы физический предмет. Душу можно поставить: «*постави* душу свою» [1, с. 398]. Душу можно видеть: «дияволъ <…> *узрить* душю» [1, с. 635]. Душу освещает солнце и орошает дождь: «яко *солнце осветить* ти душу» [1, с. 258]; «*дъждь* <…> въ наша душя *одъждить*» [1, с. 553]. Душа — это пища: «душевныя *пища* не отълагаи» [1, с. 248]; «иди на душевьную *пиштю*» [1, с. 258]. В душу что-то можно вложить: «въ душу человечю *вълагая*» [1, с. 531].

Наконец, в-третьих, душа с телом — в сущности двуединый физический объект: «въвелъ въ *дом* свои телесьныи и душевьныи»

[1, с. 165]; «съмотря <…> телесьныима очима и душевьныима» [1, с. 259–260]; «*струпи* душевънии ицелеють и вредъ бо плътьныи <…> ицелееть» [1, с. 633]. И т. п. Такие рассуждения, как думается, было легче понимать читателю-«не теоретику».

Предметность изложения в «Изборнике» изредка усиливали выразительные перечни обширного людского окружения каждого благочестивого человека (делим стройные высказывания на строки):

> Стыди ся отца и матери блудъмь,
> сильнааго и властелина — о лъжи,
> судия и кънязя — о съгрешеньи,
> събора и людии — о безаконии
> (с)обьштьника и друга — о неправьде [1, с. 367–368].
> Не съвештеваи ся
> съ страшивъмъ о брани,
> съ купьцьмь — о приложеньи,
> и съ купуюштиими — о купли,
> и съ завидьливъмь — о похвалении,
> и съ немилостивыимь — о помилованьи,
> и съ рабомь ленивъмь — о мънозе деланьи [1, с. 405–406].
> Убогыихъ посештаита,
> въдовице заштиштаита,
> немоштьныя милуита,
> и осужяемыя бес правьды изъмета(ита) [1, с. 478].

И др. Выразительность — залог понятности.

Знаменательно также для предметности изложения окончание «Изборника», который завершается изобразительно яркой статьей «О милостивемь Созомене».

Созомен видит во сне прекрасный пейзаж с горами, покрытыми колыхающимися садами, с цветами, цветистыми плодами, поющими птицами, текущими источниками и висящей радугой: «цветове мънози различьни и садове вьсяции. И видехъ же ины ограды, яже бяху обрасли отъ горы до долу плоды добровоньными и красьными, и ветвие преклонило ся бе до земля, другъ друга добрее. Пътица же многообразьны седяху върху ихъ, песнь поюшта сладку <…> Садове же колебааху ся <…> Источьници же течааху. Яко же и дуга въ красу

стояшти» [1, с. 688–690]. Это описание напоминает пейзажный фон на иконах. Лето в полном разгаре. Недаром статья о Созомоне затем была включена в «Прологи» под 31 августа — последний день лета.

По наблюдению Н.А. Мещерского, «в статье “О милостивом Созомоне” “Изборника 1076 г.” непосредственно отразился текст главы 69 согласно первой редакции “Жития Нифонта”» [3, с. 322]. Но в данном случае неважно, в каком виде эта статья была включена в «Изборник». Существенна изобразительная, даже литературно ослепительная концовка сборника: «въ дворьци <…> *светъ* бзмерьныи чисть <…> къ стоборию (колоннаде) *золотомь* покръвену <…> мужи крылати *свьтяште ся, яко и солньце* <…> *златыхъ* онехъ ларехъ <…> *светьлыя, и пьстрыя, и златыя* ризы» и пр. [1, с. 688, 694, 695].

Причем все это тоже традиционное великолепие рая фактически сводилось к сугубо бытовому, хотя и гиперболизированному мотиву. Созомон отдал с себя одежду нагому нищему, за это Созомону в раю показали 1000 рубашек, припасенных для него в сундуках.

Таким образом, составителю скромного «Изборника 1076 г.» была свойственна опора на бытовую предметность изложения, без какой-либо философической торжественности и глубины в отличие, например, от «Изборника» 1073 г.

Д.С. Лихачев предположил: «не был ли Изборник 1076 г. особого рода походной книгой», «служил для княжеского чтения — походного» [2, с. 181, 184]. Но непосредственных доказательств именно «походности» сборника пока нет.

Есть одна зацепка, тоже крайне предположительная, об обстоятельствах составления сборника. В «Изборник» включено 26 статей с именами авторов. Из них 10 статей под именем Иоанна Златоуста [1, с. 427, 609, 619, 631, 647, 648, 651, 654, 664, 668] и еще две статьи под именем апостола Иоанна [1, с. 647, 652]. Остальные статьи — под разными 14 именами. Почему составитель сборника был так привержен имени «Иоанн»? Тут можно только гадать. Потому что составителя звали Иоанн или Иоанном звали заказчика сборника? Или оттого что проповеди Иоанна Златоуста были наиболее популярны? Или в какой-то связи с тем, что только что киевским митрополитом стал Иоанн II? Или все это случайно?

Другая попытка прояснить предназначение «Изборника» на основе его литературной особенности относится к поиску аналогий.

С каким ранним сборником можно еще сопоставить «Изборник» 1076 г.? Что-то схожее находим в не совсем сборнике, а в цикле рассказов «Синайского патерика» по списку XI–XII вв. ГИМ, Син., № 551, 4°, 182 л. Здесь тоже содержится множество упоминаний бытовых деталей. Но, в отличие от спокойной «домашности» «Изборника» 1076 г., этот цикл патериковых рассказов подразумевал крайнюю, даже трагичную бедность монахов[2]. Монах живет в «клетце», в хижине: «иде въ клетъку свою», «хызину сътворьши» [4, с. 69, 72]. У такого жилища есть лишь дверца: «сътвори же <…> малы двьрьца» [4, с. 127]; «стоящи <…> въ двьрьцахъ» [4, с. 106]. Одежда монаха жалка: «отреши же свое вретище» [4, с. 49]; «не имяше ризы зиме носити» [4, с. 122]; «оденъ въ плетену котыжицю и мало на плещю своею възвьржение от рогозины» [4, с. 163]; «въ срачици одинои» [4, с. 302] и мн. др. Еда скудна: «имяше тъчию единъ хлебъ» [4, с. 49]; «еды <…> тъчию отрубы» [4, с. 56]; «обретаю си сухыи хлебьць» [4, с. 84]; «хлеба требуя, оьрете же на трапезе, акы мышьми или пьсы, яденъ» [4, с. 390]. Болезни мучат: «прокаженъ бысть вьсь» [4, с. 53]; «видя главу его скверьнъ плъну» [4, с. 82]; «въ чревьную болезнь въпаде» [4, с. 93]; «жаждею издыхающа и лежащемъ, яко мьртвомъ» [4, с. 276] и т. д.

Сравнительно с «Синайским патериком» яснее становится предположение о стилистической предназначенности «Изборника» 1076 г. для относительно «светского» лица, но социальное его положение остается неясным.

2. Изобразительные описания в пергаменном сборнике конца XII — начала XIII вв. и их художественная ценность

В предлагаемой статье рассматриваются более или менее изобразительные описания на примере лишь одного древнерусского рукописного сборника, зато древнего и эстетически совершенно не изученного, — РГБ, Троицк., № 12, 4°, 202 л. (описание см.: [1, с. 19–22])[3]. Правда, сборник дефектен: в частности, в нем отсутствует 18–20 листов начала

[2] «Синайский патерик» цит. по: [4].

[3] Рукописный сборник РГБ, Троицк., № 12 цит. по: [2].

(судя по чьему-то цифровому счету тетрадей на нижнем поле листов). Тем не менее уже на л. 3 об. — 4 в составе какого-то анонимного **«Слова»** без начала и конца (не Иоанна Златоустаго ли?) встречаем развернутое наглядно-предметное описание жизни богача. Вот его текст:

> «богатыи онъ <…> Тъ богато на земли живяше. Въ багъре и въ паволоцы хожаше. Кони его тучьни иноходи <…> ликъствующе златыми тварьми украшени, седьла его позлащена.
>
> Раби его преди текуще мнози въ брачине и въ гривънахъ златыхъ, а друзии позади въ монистехъ и въ обручихъ. И отинудь рещи, въ велице славе изя.
>
> На обеде же службьба бе многа. Съсуди златъмь съковани и сребръмь. Брашьно многомь различьно: тетеря, гуси, жеравие, ряби, голуби, кури, заяци, елени, вепреве, дичина, чамъри, търтове, печени, кръпания, шемьлизи, пирове, пътъкы.
>
> Множество сакачии (*поваров*) работаюче и делающе съ потъмь. И мнози текуше и на пьрстехъ блюда носяще. Ини же махающе съ боязнию.
>
> Чаше сребрьны великыя позлащены, кубьци и котьли. Питие же многое: медъ, и квасъ, вино, медъ чистыи пъпьряныи (*перечный*).
>
> Пития обнощьная съ гусльми и свирельми, ласкавьци, шьпилеве, праздьнословеци, смехословьци, плясания, мьрзости, въплеве, песни.
>
> Готовять же ему и одръ настьланъ перинъ паволочитыхъ. Възлежащю же ему и не могущю уснути. Друзи ему нозе гладять. Инии по лядвиямъ тешать его. Ини по плечема чишють. Инии гудуть. Инии бають ему и кощюнять.
>
> Така бе слава и богатаго».

«Слово», по-видимому, переводное, да к тому же затем переписанное откуда-то составителем сборника. Поэтому творческий облик автора «Слова» предстает только в том виде, в каком его подсказывает данный троицкий текст.

Выразительность описания жизни богача, несмотря на непонятность тут некоторых существительных, не вызывает сомнений. Изложение четко структурировано рядами длинных перечислений и повторов. Подчеркивается множество всего: «Раби <…> мнози <…> службьба бе *многа* <…> Брашьно *многомь* <…> *Множество* сакачии

<…> И *мнози* текуще <…> Питие же *многое*». Резко экспрессивны слова «ласкавьци, шьпилеве, праздьнословьци, смехословьци <…> мьрзости <…> кощюнять». Кроме того, весь отрывок пронизывает единый мотив: всё с богачом происходит как бы и в данный момент, и всегда, так как все глаголы в описании только в настоящем времени.

Но нас интересует собственно **изобразительность** данного отрывка.

Первое близкое к изображению место в цитированном отрывке «Слова»: «Кони его тучьни иноходи <…> златыми тварьми украшени, седьла его позлащена. Раби его преди текуще мнози въ брачине и въ гривънахъ златыхъ, а друзии позади в монистехъ и въ обручихъ». Упоминания богача, рабов и коней подразумевали процессию, правда, никак не названную автором. Но упоминания «текущих» рабов и коней-иноходцев прямо означали, что процессия движется. Золотые гривны даже у рабов, золотые «творения» у коней и позолоченные седла указывали на украшенность этой процессии: ведь сам автор употребил слово «украшени». Уточнение, что часть рабов идет «преди», а другая часть «позади», неявно обозначало длину процессии. В итоге изображение процессии получилось расплывчатым, ведь автор определил процессию очень общо: «въ велице славе». Кроме того, изображение это не претендовало на яркость, так как все детали его традиционны. Автор все-таки больше стремился к поучительности своего описания, а добавление предметных деталей — для вящего осуждения богача — стихийно привело к изобразительности изложения.

Второе место, тяготеющее к изображению в описании времяпрепровождения богача, следующее: «Възлежащю же ему и не могущю уснути. Друзи ему нозе гладять. Инии по лядвиямъ тешать его. Ини по плечема чишють». Перечисление ног, «лядвий» и плеч богача неявно обозначало все тело персонажа. Перечисляемые действия — гладят и чешут — означали успокоительные пассы с телом богача: недаром автор употребил слово «тешать». И снова: изображение неотчетливо. Автор в первую очередь стремился к поучительности своего описания.

Наконец, сразу за развернутым описанием жизни богача в «Слове» следует краткое описание нищего, «лежащего у вратъ»: «пьси же, мимо ходяще, видяще и тако гноина, гнои съ кръвию текуще от

удовъ его <…> губою и языкомь отираху гнои от удовъ его, облизающе вредъ» [2, л. 4 об.]. Упоминание облизывания гноя губами и языком, возможно, обозначало припадание собачьих морд к телу лежащего человека. В евангельской притче нет таких деталей. Значит, некоторое расширение изобразительности евангельского эпизода произошло у автора, но скорее всего для ясности — такова была давняя традиция предметных пояснений и толкований нужных мест из Библии.

В целом отношение рассмотренного «Слова» к литературе как к «пространству» из произведений такое: два или три места этого «Слова» входят лишь в окраину изобразительности; а все остальное в «Слове» в лучшем случае пребывает в более дальней области выразительности изложения или даже вне ее.

Пора привыкать к тому, что не только литература художественно неоднородна, но и каждое произведение тоже неоднородно с художественной точки зрения и как бы «растягивается» по областям с разной степенью литературности, если мы хотим понять эстетическую ценность памятника для нас.

После рассмотренного анонимного «Слова» сразу следует **«Слово о сошествии Иоанна Предтечи в ад»** Евсевия Александрийского, содержащее следующее краткое описание: «Солнце омрачашеся, землю трясущуся, запону церковьную раздираему, камение расседающеся, мърчащю дни» [2, л. 7 об.]. Это традиционное описание событий в момент смерти Христа на кресте. Упоминание солнца, земли, камений и дня неотчетливо обозначало земную природу в целом. Перечисление нарушений в состоянии природы тоже указывало на мощную мировую катастрофу. Но и это изображение получилось расплывчатым у автора — ведь он обошелся без обобщающих слов, а просто напомнил об отдельных частностях. Данное «Слово» вряд ли относилось к изобразительной области литературы.

Вслед за «Словом» Евсевия Александрийского в сборнике переписано **«Слово Иоанна Златоуста, зане без ума мятеться всяк человек»**. Здесь интересен следующий отрывок: «всякъ человекъ <…> яко тръсть, попаляеться; и яко огньн, згараеть <…> и яко пламы, въздражаеться; и яко дымъ, расходиться; и яко искра, угасаеть» [2, л. 11–11 об.]. Перечисляемые детали — хворост, дым, искра — явно ассоциировались у автора с костром, который он прямо назвал

«огньн» и «пламы». А в обозначении действий — хворост «попаляеться» и «згараеть», пламя «възгражаеться», дым «расходиться», искра «угасаеть» — скрыто отразилась ассоциация с быстро сгорающим костром. Правда, изображение такого костра было ослаблено символичностью, так как автор по традиции вставил символы краткости жизни, к костру не относящиеся: «яко мьгла, възноситься <…> и яко цветъ, украшаеться, и яко трава, посыхаеть, и яко г(*о*)воръ, надымаеться». Стремление автора к стройной выразительности повествования отнюдь не обеспечивало переход к изобразительности.

Второй отрывок в этом «Слове» исключительно выразителен своей стройностью: «Възмятуться, рече, воды — и устояться. Подвижиться земля — и пакы устрояеться. Въсходять ветри — и пакы улягуть. Въсплашиться зверь — и пакы укротиться. Въстаеть пламень и попалить храмы — и угаснеть» [2, л. 12–12 об.]. Вроде бы изображается бурная и успокаивающаяся природа, но описание у автора все-таки абстрактно из-за недостаточной конкретности частей целого и их действий. Демонстративная выразительность изложения, может быть, даже мешала развитию изобразительности.

Далее в сборнике **в «Слове Иоанна Златоуста о суетном житии»** находим еще одно выразительное по своей стройности и обширное обличение тех же богачей. Приводим только отрывок из него, претендующий на изобразительность изложения: «Кде крашение пьрстомъ? Кде личание злата? Кде звяцяние сребра? Кде пьрстостье бисьра? Кде украшение ризъ? Кде пища? Кде вино многое? Кде питие еже до вечера <…> нъ и до полунощи и до куръ <… и до света? Кде кони? <…> Кде домови украшении? Кде бльщащиися сапози? Кде брачиньныя ризы? Кде багъряныя? Кде синяя?» и т. д. и т. п. [2, л. 20].

Такое торопливое перечисление традиционных признаков богача близко родственно описанию богача в первом «Слове» сборника, однако менее изобразительно из-за неостановимого вала вопросов, не позволивших автору сосредоточиться на какой-либо отдельной предметной теме. Однообразная выразительность повествования мешала его изобразительности.

Затем после перерыва в 7 листов с произведениями чисто поучительными в троицком сборнике следует памятник, действительно выделяющийся своей изобразительностью — знаменитое **«Хождение**

Богородицы по мукам». Укажем только несколько самых изобразительных описаний в «Хождении». Они обычно кратки. В аду: «река исхожаше огньна, и ту бяше множьство мужь и женъ. И бяху погружени ови до пояса, ово до пазуху, ово до шия, а друзии до върха» [2, л. 31] — деталями «погружени <…> до пояса <…> до пазуху <…> до шия <…> до върха» автор неотчетливо обозначил нарастающую глубину огненной реки глубже человеческого роста.

Другие примеры — изображение мучительных поз: «виде жену висящю по зубы, и различьныя змия исхожаху из устъ ея» [2, л. 31 об. — 32]; «виде <…> висяша мужа за четверо, за вся края ногътии его <…> и языкъ его вязашеся от пламене огньнаго, и не можаше въздъхнути» [2, л. 33] — «за четверо», т. е. повешен за края ногтей рук и ног.

Изображения мук в «Хождении» уже отчетливы, словно гравюры. Мало того, в «Хождении» встречаются и **образные**, а не просто изобразительные описания. Опять ограничимся тремя примерами.

Вот описывается необычное дерево, растущее в аду: «и увиде <…> древо железно, имеющу отрасли и ветвие железно, и вершия ветвия того имеяше уды железны, и бяше ту висящихъ множьство мужь и женъ за языкы» [2, л. 32 об.]. На дерево перенесены признаки какого-то железного изделия. Масса людей, повешенных на этом дереве именно за языки, могла напоминать огромные висящие плоды на железных ветвях.

Другое образное описание гораздо отчетливее: «близь реки <…> клокотаху, яко въ котьле, и яко морьскыя вълны, въсхожаху и погружаху грешьникы тысящю лакътъ» [2, л. 34]. На реку с грешниками перенесены, во-первых, признак кипящего котла (вода «клокотаху») и, во-вторых, признак волнующегося глубокого моря («морьскыя вълны <…> погружаху <…> тысящю лакътъ»). Образ гигантского варева.

И третий образ: «уставися буря речьная и вълны огньныя, и явишася грешьници, яко и зьрна горюшцчъна» [2, л. 34 об.]; горчичные семена — мельчайши, их размер перенесен на грешников. Это образ россыпи грешников в огненной реке, вид сверху.

Почему «Хождение Богородицы по мукам» выделялось выразительностью и даже образностью своих отрывков? Видимо, повышенная эмоциональность авторского повествования о пережива-

ниях Богородицы, видящей лютые людские муки, способствовала образности произведения. «Хождение Богородицы по мукам», следовательно, можно поместить частично в центральную область литературы — собственно художественную, а частично — в область выразительности. Это редкий случай для XII–XIII вв.

Непосредственно к «Хождению Богородицы по мукам» в троицком сборнике примыкает **«Повесть и откровение Архипа-пустынника»**, образная в одном месте, в самом конце произведения: «великыи Михаилъ-архистратигъ <…> жьзлъ дьржа, удари въ главу твьрдаго камене. И абие раседеся твьрдыи камень от коньця до коньця. Звукъ же раседъшагося камене бысть, яко громъ, и потрясяся вся земля та» [2, л. 46]. Отрывок этот образен, так как на звук распада камня перенесен признак мощного грома. Правда, такой образ традиционен. В результате «Повесть Архипа-пустынника» каким-то кончиком касается области литературной изобразительности.

Далее в троицком сборнике с промежутком в 7 листов переписано еще одно произведение, интересное в изобразительном отношении — **«Стоглав» Геннадия Константинопольского»**. На л. 55 описываются заимствованные из «Изборника» 1076 г. страдания бедняков в холодную зиму: «нага лежащаго подь единемь рубъмь и не дьрзнущю ногу свою простьрети зимы ради <…> лежать ныне, дъжевными каплями, яко стрелами, пронажаеми <…> клячать надъ малъмь огньцьмь съкуръчьшеся, большю же беду очима от дыма имеюще, руце тъкмо съгревающе, плечи же и все тело мразъмь измьръзъше».

Это описание бедняков, скорчившихся от холода в одной рубашке или согбенных над дымящимся костерком, резко изобразительно, а сравнение падающих дождевых капель со стрелами (вспомним «Слово о полку Игореве»!) явно образно. Такой отрывок, по нашей оценке, находится уже в центральной части изобразительной (но не образной) области литературы.

Подведем итог. Произведения, претендующие на изобразительность, встречаются только в самом начале троицкого сборника. Неясно, насколько это типично для древнейших сборников. (Но в «Изборнике» 1076 г. такое явление тоже наблюдается.) Начало же троицкого сборника лишь небольшими отрывками из произведений связано чаще лишь с окраиной изобразительной области. В редчайших же случаях некоторые места текстов «добираются» и до окраины уже об-

разной области литературы. Подавляющее же большинство текстов пребывает только в выразительном (но не изобразительном) литературном поле. Таковы ценимые нами сейчас «зародыши» художественности в текстах у эмоциональных авторов на примере пока только одного древнего сборника.

3. Литературная философия «Мерила праведного» по списку середины XIV в.

Чем для литературоведа может быть интересен сугубо судебный сборник «Мерило праведное» по старейшему пергаменному списку середины XIV в. РГБ, Троицк., осн. собр., № 15, 4°, 348 л. [1, с. 28–33]? Как давно замечено, первая часть сборника [2, л. 1 об. — 69 об.] содержит не судебные правила, а различные поучения, по определению М.Н. Сперанского, «первая, меньшая часть играет по отношению ко второй, большей, роль вступления, предисловия» [9, с. 317] и хотя «первая же часть, если можно так выразиться, дидактическо-нравоучительного характера, при том с явным оттенком юридическим» [3, с. 316], есть в ней и литературно-философский смысл, выраженный в виде стройных высказываний, прямо или косвенно обозначающих социальную структуру общества.

Исходим из предпосылки, раз «Мерило» было переписано в середине или во второй половине XIV в., то социально-философская тема первой части рукописи чем-то перекликалась с обстоятельствами того времени на Руси.

Систематизируем соответствующие высказывания. Названия статей «Мерила» обычно не указываем — в данном случае это не так важно.

Главная литературная особенность первой части «Мерила» — частые противопоставления в характеристиках состава общества. Так, прямо отмечено, что в государстве правят и справедливые, и несправедливые князья: «князи правдиви бывають на земли <…> зли бывають и лукави» [2, л. 16 об.][4]; «ови от князь и от царь достоини таковеи чести <…> а иже недостаини, противу недостоиньству <…> поставляются» [2, л. 61].

[4] «Мерило праведное» цит. по: [2].

Из иных высказываний косвенно следовало, что в обществе есть начальники и подчиненные: «естьство человече: во ину владееть надъ меншими собе, а болшихъ боиться» [2, л. 27]; есть богатые и бедные: «единъ богатъ, а другии нищь» [2, л. 52]; жадные и бескорыстные: «губить собе мьздоимець, а не любяи мьзды спасеться» [2, л. 11 об.]; честные и нечестные: «да познаеши с любовию служащихъ ти ли лестью ласкающихъ» [2, л. 20]; «мнози глаголъ дають, а истину крадуть» [2, л. 30]; и вообще — люди добрые и люди злые: «добрая от злыхъ расматряемъ» [2, л. 44 об.]. Даже законы есть хорошие и плохие: «мерила лестна — мерзость Господеви, а мерило право приято имь» [2, л. 10 об.]. И судьбы людей разные: «овому растущю, овому падающю» [2, л. 4 об.].

У противопоставлений на социальные темы в «Мериле» существовал еще один важный смысл: идет борьба между добром и злом. Зло нападает на добро по всем фронтам, что видно из исключительно стройного перечисления (деление на строки наше):

въста на девство блудъ,
скверна на чистоту,
лютость на кротость,
ненависть на любовь,
несытость на постъ,
пьяньство на трезвость,
обида на расмотрение,
разбои на братолюбие,
скупость на щедроты,
немилость на милость,
безаконие на хранение закона
и на многа злая делеса всташа [2, л. 5].

Существует противостояние:

лицемерие и простыны,
мужьство и устрашение,
смысл и безумие,
правда и обида,
целомудрье и блуд, —

спроста рещи:
вся добродетель ко всякои злобе приться [2, л. 45].

Отсюда следовал образный вывод тоже в форме противопоставления — бороться:

в паучиня комаръ и муха увязнеть,
а тела и шершень, исторгавше, вылетаюць;
убогъ и простъ увязнеть,
богаты и сильныи <…> исторгавше, отидуть [2, л. 25].

И настоятельные советы о выборе цели тоже через противопоставления:

покарятися добродетели,
осужати же злобу [2, л. 44 об.];
благимъ добро творити,
злым же — никако же [2, л. 56 об.];
на месть злым,
а на похвалу добрымъ [2, л. 27].

Более того — прямые призывы к сопротивлению:

отвергъше лжю,
глаголите истину [2, л. 53 а].

Противостояние злу так же по всем фронтам:

тме — светило,
слепоте — вожь
<…>
волкомъ — ловець,
татемъ — песъ,
воронамъ — соколъ,
нетопыремъ — солнце
<…>
червемъ — соль [2, л. 2].

И угроза противникам:

горе глаголющимъ добру зло
и злу добро,
полагающимъ тму светъ
и светъ тму,
полагающемъ сладкое горко
и горкое сладко [2, л. 16; ср.: л. 45 об.].

Любопытно, что в самом конце философской части «Мерила» вдруг встречаются примирительные фразы: «любите враги ваша <…> враги потребьни друзи створите <…> солнце вжагая на злыя и на добрыя и дождая на праведныя и неправедныя» [2, л. 64 об., 65, 65 об.].

Но при этом советуется быть осторожными:

две уши имеи, а одинъ языкъ,
сугубо слыши, а одино молви [2, л. 23].

Ведь у предателя «тело его все, хламидою покрыто, просветися, а душа его скверна остася» [2, л. 26].

Какое зло и каких врагов мог подразумевать писец «Мерила» или заказчик рукописи во второй половине XIV в.? С одной стороны, это, конечно же, продолжающееся иго Орды, о чем свидетельствует отрывок в стиле проповедей Серапиона Владимирского в анонимном «словеси» великому князю (имя стерто): «горе наследуемъ: не расея ли ны Богъ по лицю всея земли, не взяти ли быша гради наши, не падоша ли сильнии князи наши остриемь меча, не поведены ли быша въ пленъ чада наша, не запустеша ли святыя Божия церкве, не томими ли есмы на всякъ день от поганъ» [2, л. 8 об.].

С другой же стороны, зло кроется в самом обществе, на что тоже указывают русские статьи «Мерила»: «и ныне намъ свое житье провожающимъ леностне и мыслью праздьною спящимъ <…> аки с небеси зря на треску во оце ближняго, а собе колоды не чая» [2, л. 4 об., 6 об. Чин словеси великому князю]; страждущий «припадаеть къ князю, и князь не слушаеть и́ <…> погублены и от твоего судьи к тобе, князю плачють, а ты не мьстишь» таким судьям [2, л. 63, 63 об. Наказание князьям]; «тиунъ неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, му-

чить, лихое все дееть <…> князь безъ Божия страха, христьянъ не жалееть, сиротъ не милуеть, и вдовицями не печалуеть, поставляеть тивуна <…> абы князю товара добывалъ, а людии не щадить» [2, л. 64. Наказание Семена Тверского].

Так как все социальные намеки, замечания и упреки рассеяны по рукописи без какой-либо системы и в подавляющем большинстве все-таки неконкретны, то остается предположить, что социально-философское предисловие «Мерила праведного» в списке второй половины XIV в. отразило начальную атмосферу собирания общерусских сил против Орды и наведения порядка в русском обществе.

4. Композиция и изобразительные мотивы древнерусского пергаменного сборника конца XIV — начала XVI вв.

Рукописный сборник («Книга глаголемая Соборникъ») РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39, в лист, 242 л., описан Арсением [1, с. 46–49] и содержит преимущественно поучения и жития. С литературной точки зрения этот древний сборник интересен, в частности, множеством изобразительных описаний (правда, мелких) примерно в половине его статей и сгруппированных по темам.

Начнем с определения структуры сборника. По нашим предварительным наблюдениям, сборник, вернее, сборная рукопись, писан несколькими почерками и состоит из трех частей. Первая часть — л. 1–55 — посвящена чтениям по неделям перед и после великого поста и обрывается на полуслове самого начала «Поучения» Иоанна Златоуста. Вторая часть — самая большая, но уже по месяцам года, л. 55 об. — 192 об., другим почерком начинается с «Чуда Иоанна Богослова о Кунопе-волхве» и тоже обрывается на начале высказывания Тимена. Третья часть — л. 193 — 238 об. — совсем новым (третьим?) почерком начинается без заглавия выписками из «Палеи» и тоже обрывается на начале высказывания пророка Илии. Конец сборника, л. 239 — 242 об., составляет писанное еще одним (четвертым?) почерком «Послание о рае» Василия Калики.

Арсений датировал сборник концом XIV в. Г.А. Лончакова прибавку списка «Послания о рае» отнесла к концу XV — первой половине

XVI вв. [3, с. 20]. Таким образом, сборник окончательно сформировался в начале — первой половине XVI в.

Части сборника различаются не только по их структуре, но и по преобладающему содержанию статей и изобразительных мотивов. В первой части выделяются статьи о человеческих и космических катастрофах. Во второй части большинство составляют статьи о мучениках и пустынниках. Третья часть — более, скажем так, «бытовая» и «географическая».

Масштабно изобразительна первая («постная») часть сборника. Чаще всего в этой части нагнетаются потрясающие картины конца мира: «тогда огненая река съ яростью потечеть <…> камение пожигающи, и источници и моря иссякьнуть от огня того, и въздухъ потрясется, и звезьды съ небесе спадуть, солнце и луна въ кровь преложится»; «небеса жгома будуть, и стухия горяща растають» [4, л. 8 — 8 об., 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]. И соответственно описывается трагическая гибель человечества: «кости ваша будуть <…> во дровъ место»; «не узрите стадъ пасущихъ на горах, ни ратаи вашь не воспоетъ на ниве, ни волъ не понесеть на шии ярма»; «акы прахъ ветром, тако расею вы»; «въсплачеться земля, аки девица красна» [4, л. 44 — 44 об., 45 об. — 46, 47, 48. «Слово» пророка Исаии о последних днях].

Перед всеобщей катастрофой ужас охватит людей: «глас трубы от небеси, *страшно* возопиющее, услышимъ»; «яко громъ великъ будеть тогда, и кличь великъ, и гласъ *страшенъ*»; «вельми бо есть *страшьно*», «*страшно* есть» [4, л. 8, 9, 11, 17 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и т. д. Последуют всяческие наказания: «песья мухи <…> начнуть <…> терзати зеньки младеньцемь вашим» [4, л. 46. «Слово» пророка Исаии о последних днях]; «готовъ преклонною шиею хотящимъ его заклати» [4, л. 4 об. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]; грешников «от судища изгонити начнуть, аки скотъ <…> бьюще» [4, л. 15 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; и пр.

Во второй («помесячной» или «житийной») части сборника, как и следовало ожидать, больше изобразительных деталей телесной бедности и мученичества отшельников и подвижников: «власы <…> тело покровено, яко же зверь страшенъ; бяше бо одежею нагъ и листвиемъ бызьяномъ въ чресла свои препоясанъ <…> пристрашенъ бывъ» [4, л. 139. Житие пустынника Ануфрия]; «повели камениемь бити я в

лице»; «дреколиемь пребивати голени ихъ» [4, л. 104 об., 109. Память о 40 мучениках]; «кровь же течaаше на землю ис телесъ ихъ <…> главы же ихъ възнизааху на копища и поставляаху предъ враты града, враны же <…> паряху надъ стенами града» [4, л. 112. О семи ефесских отроках].

Наконец, третья («приземленная») часть сборника полна картинами «географическими» и жизненно-обыденными. Изображается великое земное пространство: «възиди на гору высоку, воззри на <…> поля, и како тися узрять пасомая стада — не аки ли мравиеве и мшица суще? <…> Корабли, плавающии по морю, не хужьми ли всякого голуби мняться зраку твоему?» [4, л. 198. «Стихи» из Палеи]. Позднéе добавленное «Послание о рае» Василия Калики вполне соответствует третьей части сборника.

Люди благочестивые в третьей части кротко плачут: «слезами моими посьтелю мою омочю»; «убрусець ж онъ, на очию его лежащь, полнъ слезъ сущь» [4, л. 224, 236 об. Анастасия-мниха о шестом псалме]. Больные отвратительно болеют: «на гнои лежаща <…> и вьсю плоть его червьми изъядающа» [4, л. 238 об. «Слово» о злых женах]; приходится «порты отирати гноя на собе, чрепомъ гребаще прыщье» [4, л. 235 об. «Слово» Кирилла Киприйского о злых духах]. А грешники безумствуют: даже «кроткыи убо пьяница, аки болванъ, аки мерьтвець, валяется <…> и, домочився, смерьдить <…> нальявся, аки мехъ, до горла <…> не могыи главы своея възвести, смрадом отрыгаа» [4, л. 231. «Слово» о пьянстве].

Трехчастную композицию сборника (Страшный суд — праведники — земля и грешники) можно объяснить тем, что составитель начала XVI в. собрал сборник из разных рукописей, точнее, из трех разных «блоков» статей. Предполагаемый смысл такой композиции у составителя: раз конца света пока не наступило, то жизнь продолжается. Поэтому оптимистичны первая и последняя статьи сборника: вступительная статья — о человеческом милосердии и доброте, а заключительная — о сохранении рая на земле.

Поэтому и какое-то тяготение к яркому предметно-изобразительному изложению проявилось у составителя сборника, отчего при подборе памятников возникли изобразительные переклички между частями сборника. Так, противоестественные, мучительные состояния и болезни людей изображались не только во второй и

третьей частях сборника, но и в первой его части: например, персонаж «стоя въ великия мразы, дондеже нозе его примерзасьта къ камени»; «оному же <…> въступль ногама босыма, ста на пламени» [4, л. 53 об., 54. «Слово о Исакии-мнисе, иже в Кееве прелщену от бесовъ». Из «Повести временных лет»]. Возмутительное поведение грешников описывалось тоже не только в третьей части сборника, но и в первой: «горе пьющимъ съ гусльми, и сопелями, и с плясаниемь» [4, л. 14 об. «Слово» Ефрема о втором пришествии]. Горе и слезы людей присутствовали опять же не только в третьей части, но и в первой: «прослезився и в перьси бия» [4, л. 15. «Слово» Ефрема о втором пришествии]; «руками биющися по персомъ» [4, л. 3. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Бедность персонажей изображена не только во второй части, но и в первой: «азъ хожу въ овчинахъ и в козияхъ кожах, лишенъ, озлобленъ» [4, л. 6. «Слово» Иоанна Златоуста о блудном сыне]. Кроме того, предметы, взятые из рая, упоминаются во второй части сборника, а потом, в конце сборника: «от раа вземъ <…> *ветвие* и иже листвие красное <…> *плоды* различны собе взяша» [4, л. 180 об. Из Скитского патерика]. Ср.: «в раю былъ и три *яблока* възмя»; «принесе *ветвъ* из раа» [4, л. 240, 243 об. Послание Василия Калики о рае].

Созданию некоторого единства трехчастного сборника, возможно, помогли традиционная изобразительность и традиционные предметные детали сами́х древних поучений и житий.

К сожалению, композиционных аналогий данному сборнику найти не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Поучение о пьянстве

Поучений против пьянства довольно много, но переводных. Русские — редки. Нет заголовка у приводимого ниже анонимного поучения, которое Арсений определил как русское. Список поучения в данном пергаменном сборнике по почерку можно датировать началом XV в. Скорее всего, поучение компилятивно, на что указывает сходство с предшествующим ему в сборнике тоже анонимным «Словом святыхъ отець о посте великомъ», которое встречается в сборниках уже второй половины — конца XIV в.

(например, в «Измарагде» РГБ, Рум., № 186 и в «Златой цепи» РГБ, Троицк., № 11). Кроме того, компилятивность подтверждается тем, что большой отрывок текста этого поучения о пьянстве от слов «поганых норовы держа и любя» [4, л. 230] и до слов «любит же подобныя собе» [4, л. 231 об.] кочевал уже по некоторым «Измарагдам» конца XV — начала XVI вв., а кроме того находился в составе «Слова Иоанна Златоустаго о невостающих на утреню» [2, с. 41–42]. Возможно, этот отрывок в поучении о пьянстве и был заимствован из приписываемого Иоанну Златоусту «Слова о невостающих на утреню»: ведь в пергаменном поучении о пьянстве вдруг однажды неожиданно упоминается заутреня: «Вижь, колико лиха дееши, пропивая заутренюю» [4, л. 231]. Ср. также сборник РГБ, Троицк., № 762, XV в., л. 152 и сл.]. Отрывок же о «синих очах» пьяницы тоже был перенесен из «Слова о пьянстве» Антиоха. В результате поучение получилось довольно неуклюжим.

Древнерусский текст данного поучения о пьянстве не издавался. Деление текста на абзацы сделано по киноварным инициалам в рукописи.

(Л. 229) Брате, не весте ли, яко пьянство Богу ненавидимо есть? Самъ Богъ рече своимь апостоломь: «Пьяници царьства Божия не на (Л. 229 об.) следять, но уготована имъ мука с татми, съ прелюбодеи и съ разбоиникы».

Иже бы не пити отинудь — того не възбраняет велми. Святеи бо отце не възбраниша намъ того пития ни ясти въ законъ и в подобно время, но отрекли обьядения и пьянъства. Не ядъ бо, ни пья дияволъ, но спаде съ небесъ долу. А Павелъ-апостолъ, ядъ и пья, възыде на небеса. Еже бо не пити отинудь досажение есть бывши твари, от Бога сътворении.

Питье бо умнымъ есть на веселие, а несмысленымъ еже чясто упиватися въ пьянъство — неизбытныи грехъ. Не рече бо Писание: «Не пити», но: «Да не упиваються, въ пьянъство да не пьют».

Симъ подобает пити, еже может пияньство скрыти въ утробе и злая словеса въ устехъ удержати.

Иже бы безумны, упився, не блудилъ, то могли быша сему и мерьтвии подивитися.

О много пиющих бо речено есть сице: «Кому горе — пья (Л. 230) ници; кому мятежь и молва, кому скаредия и мерзост, кому сини очи и

носъ; кому горе и съкрушение вътще — не пребывающим ли въ вине, въ пьянъстве, назирающих, где пирове бывають?»

Пияница бо подобенъ есть свинии. Свинья бо аще где не внидеть, то рылом притъкнеть. Тако и пьяница: аще где не внидет в пиръ, то умомъ постоить. О, люте, брате, как уму въсприемемъ, въ льготе живуще и ленящася къ церкви, пропивающе вечернюю, и заутренюю, и часъ молитве! Что творяши, человече, бесчинъно и скаредно живыи, поганых норовы держа и любя! Техъ бо то есть веселие упиватися, а не християнином. А християнином когда отобедати, тогда и отпити. А ты седиши весь день, погубль си питьем, ни орудеи вмогыи ка тому сътворити ни телесьных, ни душевных, но все продая и на питие и душею, и теломъ.

Дивьно бо есть поистине в чясъ брашна (Л. 230 об.) наястися, а весь день погубити, пьюще.

То мню, яко бесловеснии скоте и зверие, ни Бога ведуще, ни орудеи имуще, ни Суду чяюще, от делъ праздни. Но [н]и те смеють ми ся, аще и не глаголють, то, помышляю, глаголють: «Мы [не] несмыслении скоте, когда отобедаемь, тогда и отпиемь». А сию человеце несытии, егда ину утробу имуть брашну, а ину питию; покоя не имуть, пьюще, и льют, аки въ утелъ съсудъ, дондеже възбесуют от пияньства.

Две бо еста различьи пияньству. Единъ убо еже се мнози хвалять, ркуще: «То есть не пьяница, иже, упився, ляжеть спати. Но то есть пияница, иже, упився, толчеть, биетьси, ярится, лается».

Но аз же покушаюся указати о сихъ, яко кроткыи, упився, съгрешаеть, аще и спати ляжеть. Не удоумею, к чему приложити пиянаго: скотину ли его нареку, но и того скотее; зверь ли его прозову, но и того (Л. 231) зверья неразумнее.

Кроткыи убо пьяница, акы болванъ, аки мерьтвець, валяется; многажды бо осквернився и домочився, смерьдить. Егде убо кроткыи пияница въ святыи праздникъ лежить, [то] не могыи двигнутися, аки мертвъ, раслабивъ свое тело, мокръ, нальявся, акы мехъ до горла.

Богобоязнивым же, наслаждающимъ сердца въ церквах пения и чьстения, аки на небесе, мнятся стояще. А пьяница не могы и главы своея възвети, смрадомъ отрыгаа от многаго питья.

Чим есть разно поганых? Да умолкнете глаголющеи: «Аще упьюся, но не сътворю греха лиха». Вижь, колико лиха дееши, пропивая заутренюю и чясъ молитвы.

А кроткыи убо пьяница, възлюбивъ пространьство зде, а тамо съ богатымъ онемь въ огне горети начнеть, капля водныя прося устудити языкъ, и не обрящеть, аще и смерть застанет в томъ.

Деряживыи (*дерзкий*) же пьяница не токмо себе врежает, но и инехъ. А говеющим бого (Л. 231 об.) любцемь поносить и укаряет. Аще ли есть властель, то вся хощет повинути своеи пагубе, боояся укора; ненавидит говеиныхъ, любит же подобныя собе, иже и въведуть въ огнь, потакви творяще и блазьнящеи лестьми.

Се перваго закона обычаи имеете празднующаго, новаго же благодатнаго: а не мно[го] трапезнаго, ни пивнаго, ни игръ съставимь, яко же невернии. Наипаче убогыя накоръмляите, одеваите. Избавляите обидимыя. Беднымъ помагаите. Миръ и любовь межи собою держите. А брашною трапезою несть моления къ Богу. Богь бо рече: «Не ямъ мясъ тельчих, ни крови козлия пию. Пожри Богови жеръвту хвале и въздажь вышьнему обеты твоя. Призови мя въ день печали твоея — избавлю тя. И прославиши мя». Жерьтва Богу — душа съкрушена и сердце смирено. Богь не уничижить, и пакы близъ есть Господь съкрушеных сердцемь.

Спасаеть ж единою сею жеръвтою приемлющих чистою съвестию тело и кровь Христову. А бра (Л. 232) шнаа трапеза и питвеная несть мольба.

Пиюще же въ упои, не подобает призывать святых на помощь пияньствомъ, но трезвым умомъ призывати святыхъ на помощь молитвеную, о гресех Богу молящеся. А от пиянаго никоея же молббы (!) приемлеть Богъ. Духъ святыи пиянаго ненавидить, и бежит его аггелъ-хранитель. Яко и поганыя Богъ набдить, а пьяниць ненавидить.

А убогыя ж Бога деля не до упоя напаяте, да мзды си не погубите. Рече Богь: «Милости хощу, а не жеръвты». Се не упиватися велит, но многыя трапезы и многыя пияньства оставим жидомъ и еллином. Техъ бо есть се дело, а не християньско. Те ибо радуються праздником церковьнымъ, а не духовьнымъ, бесовьстеи угоднице и поборьници им.

А намъ речено християном ясти и пити въ славу Божию и в подобно время. А не рыгати парою обьядъственою, смрадомъ пиянымъ. Пакы же да питаемся брашны святых книгъ, а в питья место — святых отець учения и сказаниа. Се праздникъ (Л. 232 об.) Богу, се святымъ радост, се душамъ спасение, се телу здравие, се аньгилу-хранителю неотходное блюдение, се прогнание бесом.

Прияхомъ бо обычаи и научени есмы чрево работными учители, им же богъ чрева и слава, потаковници и лихоимьцы. Сами преступающее святыя заповеди добытка деля погибелнаго и самовластьнаго души на пагубу и на муку вечную.

А идеже есть съблюдение заповедемь, ту душамъ спасе[ние], и телесемь съблюдение, грехомъ отдание. Богу нашему слава и (*конец фразы не дописан, что характерно для концовок статей данного сборника*).

5. Описание троицкого сборника XV в.

При изучении довольно сложных древнерусских рукописных сборников как смыслового целого, особенно сборников XV в. важен первый шаг — датировка и определение состава нередко уникального памятника. Этот предварительный шаг, хотя и частично, делается в предлагаемой статье.

Сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 762, 4°, XV в., 284 л., описан Арсением [1, с. 169], но недостаточно подробно. Ниже приводимое описание тоже неполно, оно не заменяет, но лишь несколько дополняет описание Арсения, позволяя яснее представить структуру сборника как материал для дальнейших исследований.

Но кое-что можно установить уже сейчас. Судя по переписанной Пасхалии и летописным записям на ее полях, этот сборник-конволют сформировался не ранее 1450 г., но до 1492 г.; возможно, не позднее 1476 г. (см. запись на л. 284). Основной текст писан пятью почерками и состоит из пяти частей, каждая отделяется от последующей пустыми листами.

Первая часть [2, л. 1 — 156 об.] писана двумя почерками и вполне благочестива: содержит службы и жития, а завершается поучением против пьянства.

Вторая часть [2, л. 158 — 243 об.] писана только первым почерком и имеет справочный характер: содержит разные церковные правила, в том числе Письмовник для правильного составления посланий.

Третья часть [2, л. 245–260] невелика, писана третьим почерком и посвящена «астрономическим» свидетельствам: содержит Пасхалию и «Лунное течение».

Четвертая часть [2, л. 262–278] тоже невелика, писана в основном четвертым почерком и трактует пищевые и медицинские темы.

Наконец, пятая часть [2, л. 279–283] опять-таки невелика, писана тоже четвертым почерком и уже политико-бытовая: содержит афоризмы Менандра.

Обладатель же пятого почерка являлся составителем конволюта: он дописывал утерянные листы (например: [2, л. 269 — 271 об.]).

Шестым почерком были сделаны замечания на разных листах сборника, особенно на полях Пасхалии.

В целом, сборник получился универсальным по содержанию и преимущественно наставительно-справочным на все случаи жизни. Возможно, так намечался путь к будущему «Домострою» XVI в.

Состав сборника:

Л. 1–12. Служба обретению тела Леонтия Ростовского.

Загл.: «Месяца маиа въ 23 обретение честнаго телесе святого святителя Леоньтия, епископа ростовьскаго <…>».

Нач.: «Радуися, Леоньтие преблажене, святительское честьное укрошение».

Кон.: «съгласно вси рцемъ: “Радуися, отче отцемь Леоньтие”».

Л. 5–7. В составе Службы: **Слово о обретении тела Леонтия Ростовского.**

Загл.: «Въ тъ ж день обретени (*!*) честнаго телеси <…>».

Нач.: «Сеи бе блаженыи Костянтинаграда рожаи и въспитание».

Кон.: «приходящим верою къ пречистеи госпоже Богородици и къ святеи раце великаго Леоньтия въ славу Христу, богу нашему, и въ державу и въ победу христолюбивому князю».

Л. 7 — 9 об. В составе Службы:**Слово о внесении тела Леонтия Ростовского.**

Загл.: «Въ то ж день. Слово о внесении телесе <…> Леоньтия <…> в новую церковь и о мужи, исцелевшемъ у гроба великого Леоньтия».

Нач.: «Егда создаша церковь камену в Ростове на месте погоревшия церкве».

Кон.: «славяща святую троицю — Отца, и Сына, и святого Духа — и ныня, и присно, и в векы векомъ».

Л. 12 — 13 об. Служба в навечерие благовещения Богородицы.

Загл.: «В навечерье благовещениа <…>».

Нач.: «Ущедривъ тварь зижитель милосердиемъ же своимъ».

Кон.: «Днес спасению нашему нача[то]къ».

Л. 14 — 32 об. Служба на благовещение Богородицы.

Загл.: «Месяца марта въ 25 благовещение пресвятыа Богородици <…>».

Нач.: «На Господа възвах».

Кон.: «Господь созда мя тресвятое. Апостолъ и Евангелие, литургиа Златаустаго».

Л. 33–38. Житие Сергия Радонежского.

Загл.: «Месяца сентебря 25 память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергиа».

Нач.: «Стих. Аще и преставися <…> Сеи преподобныи <…> Сергие рождение имеаи».

Л. 38 об. — 60. Служба Сергию Радонежскому.

Загл.: «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия вечеръ <…>».

Нач.: «Преподобне отче, душю съ теломъ очистивъ».

Кон.: «на литургии блажена <…> служба преподобному».

Л. 60 об. — 70 об. Житие Никона Радонежского.

Загл.: «От Житья преподобнаго отца нашего Никона, ученика бывша блаженаго Сергиа, сведено въкратце».

Нач.: «Сеи блаженыи и духоносныи отець Никонъ рождение имеаше град Юрьевъ зовомъ».

Кон.: «получити о Христе Исусе, господи нашем, ему же слава съ Отцемъ и съ святымъ Духомъ ныне, и присно, и в векы веком. Аминь».

Л. 70 об. — 148 об. Житие Сергия Радонежского.

Загл.: «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего богоноснаго Сергиа, в нем же имат и о божественыхъ чюдесь его».

Нач.: «Приидете, честное и святое постникъ съсловие».

Кон.: «царствиа небеснаго сподобимся о Христе Исусе <…> и животворящимъ Духомъ и ныня, и присно, и в векы веком. Аминь».

Л. 148 об. — 156 об. Поучение Иоанна Златоуста (?) против пьянства.

Без заглавия.

Нач.: «Буди же ведомо и сие, яко въ время обед на трапезе две молитве».

Кон.: «и въ законе его поживемь день и нощь, славяще пресвятую троицю — Отца, и Сына, и святого Духа, и ныни, присно, векы веком. Аминь».

Л. 157 — 157 об. Пустые.

Л. 158 — 207 об. Правило о келейном трезвении.

Загл.: «Предание уставом иже на внешне стране пребывающемъ иноком, рекше скитьскаго житиа правило о келеином трезвении<…>».

Нач.: «Подобаеть убо ведети всемь, ако обретаемъ от святых отцьхъ».

Кон.: «и во всем убо лете постъ хранимъ есть въ святеи и сборнеи церкви, глаголю же, среда и пятокъ».

Л. 207 об. — 216. Послание Евфимия Тырновского к Киприану.

Загл.: «Ефимиа, патриарха терновскаго, послание к Киприану-мниху, живущому въ святеи горе Афоньстеи <…>».

Нач.: «Зело нас обрадовалъ есть своимъ писаниемъ».

Кон.: «И се не безъ сведетельства божествена писаниа предати дерзаемь, но от самых истинных предании».

Л. 216 — 243 об. Разные выписки.

Без заглавия.

Нач.: «Великаго Василиа Кесариака <…>

Кон.: «Лествичниково <…> метание и чювъство, и тыа глаголют лицедушевное».

Л. 224 — 226 об. В составе выписок **третья редакция «Неозаглавленного письмовника».**

Без заглавия.

Нач.: «Иже божественою благодетию известованному и ис чрева матерня освященому».

Кон.: «яже от злаго ми пребывають изволения и вечную муку подающю».

Л. 244. Пустой.

Л. 244 об. Летописная запись.

Без заглавия.

Нач.: «В лето 6957 декемвриа 15».

Кон.: «и сыномъ его великим князем Иваном Василевичем».

Л. 245. Окончание какой-то Службы Богородице: «вданымъ кровию воплощеннаго изъ твоего чрева, всенепорочная».

Л. 245 — 254 об. Пасхалия на 1450–1492 годы[5].

Загл.: «Правило Паскали седмия тысуща последняго ста».

Нач.: «В лето 6858 круг солнию 14».

Кон.: «Конець седмимъ тысущам. Троице святая, слава тебе».

Л. 255–261. Лунное течение.

Загл.: «Лунное течение, каяждо луна имать днии <…>».

Нач.: «Круг луне 1, основане 14»

Кон.: «А от 20 сентябя луны до 12 ноября пущаи. Епакъта <…> Основанье <…>».

Между л. 260 и 261 утрачены листы.

Л. 261 об. Пустой.

Л. 262. Окончание какой-то церковно-календарной статьи.

Без заглавия.

Нач.: «въ 11 декемвриа месяца въ 7 час дне».

Кон.: «и вънимаяи да разумееть».

Л. 262–263. О луне.

Загл.: «О луне, къгда входит и исходит въ животных».

Нач.: «Елма убо научихом о <…> къгда въходит въ животных».

Кон.: «януарии — водолеи, февруарии — рыбы».

Л. 263–265. О летном обхождении.

Загл.: «О летном обхождении и въздушных пременениихъ»

Нач.: «От третиагодесяте марта месяца въсходит <…> на стлъпе овеннем».

Кон.: «и пребываеть <…> на рыбах даж до 13 маи месяца».

Л. 265 — 267 об. Громник.

Загл.: «Громник дванадесятим месяцомъ. Събрано Ираклиемь-царемь от Звездозакониа».

Нач.: «Март. Животно глаголемое овен. Аще убо възгремить».

Кон.: «аще ли трус будет, смущение показуеть».

Л. 267 об. — 268 об. Предсказания о временах года.

Загл.: «О рождьстве Христове, въ кои день будет».

Нач.: «Аще случится рождьство Христово въ неделю, будет зима растворена».

---

[5] О многочисленных летописных записях на полях Пасхалии см.: *Гимон Т.В., Орлова-Гимон А.М.* Летописный источник исторических записей на Пасхалии в рукописи РГБ. 304. I. 762 (XV в.) // Источниковедческие исследования. М.: [Б.и.], 2014. Вып. 6 (39). С. 54–79.

Кон.: «тридневныа трясавица, старым пагуба».

Л. 268 об. О небе.

Загл.: «О небеси».

Нач.: «Небо едино убо есть по сущьству, 9 жъ по числу».

Кон.: «Козерогъ, Водолиатель, Рыбы».

Л. 268 об. — 270. Пищевые советы от имени месяцев года.

Загл.: «Стихиа дванадесятим месяцомъ».

Нач.: «Март. Азъ воины на всеоружство извожду».

Кон.: «огребатис от свеклы: яда сут исполнена и злотворителна проходу».

Л. 270 об. — 274. О земном устроении.

Загл.: «Галиново на Ипократа».

Нач.: «Миръ от четырь вещии составис».

Кон.: «огребати же с[я] сытости рыбъ свежих, и от зелиа, и вечеря поздны».

Л. 274–276. Выписки о кровопускании.

Загл.: «О кровопускании».

Нач.: «Наставшее луны 1 день рано пущаи».

Кон.: «Главная же выше съборныя тое ж рукы ползуеть от ягоде. Близъ же великаго проста (*!*) от кашля, такожде от ятръя».

Л. 276–278. Выписки «О лунных днехъ»; «О власожелцехъ»; «О были глаголемемь Бжуръ».

Л. 278 об. Пустой.

Л. 279–283. Мудрость Менандра.

Загл.: «Менадра мудраго на лучшаго человека всему разуму».

Нач.: «1. Человеку сущу человечьскаа смыслити».

Кон.: «Ложъ умъ николи же изменится».

Л. 283 — 283 об. Запись по-гречески кириллицей.

Без заглавия.

Нач.: «Аксионъ естинь осъ алифос макаризин сетинфеотоконъ».

Кон.: «одеспинатукозмоу генумеситриа».

Л. 284. Запись по-гречески кириллицей: «феотоке парфене хере кехаритомени Мариа <…>». Запись по-русски: «84 (*1476?*). Бысть тма на первом часе в заговене масленое, мало помръкло».

6. Замечание об основной теме сборничка апокрифов XVII в. на 22 листах

Сборник апокрифов РГБ, Тихонравов., № 173, 4^{o}, 22 л., кратко описан Г.П. Георгиевским [1, с. 27], датирован в РГБ первой третью XVII в.

Скорее всего, это отрывок из какого-то пока не опознанного сборника. А.Н. Попов (наверное, Андрей Николаевич), по-видимому, знал об интересе Н.С. Тихонравова к апокрифам и поэтому подарил ему рукопись (запись на форзаце), изъяв откуда-то три тетради, а последний лист 22 варварски вырезал и наклеил на бумагу.

Поздний список апокрифов вряд ли мог особо заинтересовать Н.С. Тихонравова или потому, что он уже издал апокрифы в двух томах в 1863 г., или же потому, что подаренный список был очень уж неисправен.

Приведем лишь один пример из «Судов царя Соломона». В апокрифе о «паропке», прикинувшемся бояриною, по списку «Палеи» 1494 г., сообщалось: «Во дни Соломони бысть мужь богатъ и не имяшет детеи, *убывшю* ж половину детеи своих, постави паропка въ сына место» [2, с. 56]. По списку «Палеи» начала XVI в. текст иной: «Во дни царя Соломона бысть муж богатъ в Вавилоне и не имеяше детей. *Уживишю* ж ему половину днеи своих, постави себе раба в сына место» [4, с. 261]. В рассматриваемом же списке первой трети XVII в. текст удивителен: «Во дни Соломаня бысть муж богат *именем Детыча. Убившу* ж половину детеи своих и постави паропка в сына место» [3, л. 21]. Фраза о детях варьируется в списках: то ли богач не имел детей, то ли половина его детей «убыла». Но то, что богач убил половину своих детей, совершенно нелепо.

По-видимому, составитель сборничка первой трети XVII в. переписывал текст (или тексты) с не совсем понятного ему протографа, часто сокращал фразы до невнятности изложения, а кое-что прочел неверно.

И все-таки сборничек имеет интересную для нас особенность. Возможно, фраза об убийстве детей появилась не случайно. Около половины статей сборничка повествуют о несчастьях и греховной жизни людей. Первая и последняя фразы первой же статьи настаивают на трагедии Адама: «Адам сниде, изгах бысть из рая»; «изгнан бысть Адам из рая» [3, л. 1, 2. Сказание, как Соломон собрал четыре древа].

Вторая статья сообщает о дальнейшей судьбе людей: персонажа «буря потопила есть <…> Гордыи человекъ <…> бурею ветренною скоро падает <…> О человече <…> древа гроба трелокотнаго не можеши убежати <…> Праведник <…>приимет зде скорби, и напасти, и печали, и болезни <…> Иже человекъ <…> нечисту жизнь живет <…> хулу бо ему беседуют книги» [3, л. 2 об. — 3 об. Слово о главе Адамове].

Третья статья тоже упоминает изгнание Адама из рая и описывает моральное разложение человеческого общества: «брат брата не помилует, ни отец — чадо, сынъ отца <…> бывает блуд, нечисто(та), тадба и вся злая <…> вся беззакония людская, тадбу, разбои и вся злая дела их <…> безумнии человецы <…> жены своя сквернят, и разбивают, и крадутъ <…> кленяхус и учаху лжам и клеветам» [3, л. 5 — 5 об., 6 об. Откровение Варуху].

Во второй половине сборника говорится не только опять-таки об изгнании Адама из рая и «о беззаконии человечем», но и об агрессии врагов: «плениша агаряны многи страны <…> измаилтене <…> плениша многи страны от восток солнцу и до запада <…> владети всю землю <…> то сут тотарове тако сотвориша <…> попленити им вся земля Руския» [3, л. 14 — 14 об. Сказание о 12 пятницах].

Тут же следующая затем статья (кстати, не апокриф) возвращается к теме общественных несчастий: «будет мятеж от востока и до запада по всем странам и по градом <…> будут князи и судии судити неправдою, емлюще посулы у кривово и у правово <…> человецы богатество соберут лжею, и лестию, и клеветою <…> пришед тати, украдут сокровище его» и т. д. [3, л. 16 — 16 об. Сказание о 12 снах Шахаиши].

И последняя статья сборничка упоминает об убийстве детей и затрагивает тему самозванства, когда «раб» выдает себя за боярина: «бысть в боярах у Соломона, вседающе на обеде» [3, л. 21. О суде Соломона].

Сочетание подобных общественно трагических тем на 22 листах сборничка первой трети XVII в., возможно, не было случайным и, кажется, косвенно отсылало к недавним типичным событиям Смутного времени. Но это только шаткое предположение, так как никаких более ясных связей именно со Смутой составитель сборничка не обозначил.

7. О жанровой структуре «Кириловой книги» (М., 1644) о художественном элементе в «Грамматике» (М., 1648)

Старопечатный сборник 1644 г. имеет интересную структуру: центральное «ядро» книги состоит из посланий, затем толстую «оболочку» вокруг «ядра» составляют переводные богословские сочинения, а вторую, уже тонкую «оболочку» образуют русские справочники и предисловия и послесловия к книге.

Составители, возможно, осознавали тройственный объем книги, — правда, это все-таки неясно. Ведь эпистолярное «ядро» книги специально не выделено. Тем не менее в предисловиях и послесловии эта книга сравнена вроде бы с трехсоставными предметами: «книга <…> аки *мечь* изъострена» [4, л. 7][6]; «книга <…> яко медвеныя *соты* вкушати» [4, л. 15]; «подобна сия предобрая книга великому *кораблю*, обремену великимъ богатствомъ или будет подобно велицей *реце*, текущей широстию <…> напоит <…> аки сладкою водою» [4, л. 560 об.]. Догадка о трисоставности: корабельный груз, трюм, борта; река, вода, берега; улей, соты, мед; острие меча, лезвия, рукоять.

Этот полемический сборник, направленный против «латин», идейно целен, но в литературном отношении связан слабо, основные части книги жанрово разнотипы. Лишь отдельные выражения из переводного состава книги, вероятно, были использованы авторами предисловий и послесловий. Например, из псалома 62: «нечестивая уста ихъ <…> заграждати» [4, л. 6. Первое предисловие]; «уста заграждати» [4, л. 7, 10, 11 об., 12. Второе предисловие]; «уста заграждати» [4, л. 15. Четвертое предисловие]; «да заградятъ ся уста ихъ»; «уста ихъ заградиша»; «уста заграждати»; «уста заградит» [4, л. 558 об., 559, 560 об. Первое послесловие]. Ср.: «заграждает же зде уста» [4, л. 6 об. третьего счета. Сказание Кирилла Александрийского о восьмом веке]; «заградятся уста» [4, л. 290 об. Слово об опресноках] и пр.

Так же слово «мудрование» во втором предисловии, л. 10 об. и 13 об., отсылает к частому употреблению этого слова в богословской и эпистолярной частях книги.

Русская «оболочка» книги явно отличалась фразеологически. Русские предисловия и послесловия, в отличие от остальной книги, особенно экспрессивны благодаря образным выражениям, свойствен-

[6] «Кириллова книга» цит. по: [4].

ным только им: «во дне адове <…> воздыхаютъ» [4, л. 6 об. Первое предлисловие]; «аки улицею <…> обольстиша», «угасоша вси, аки темныя свещи», «яко бездушнии идоли, падаютъ ницъ <…> нагибаются, отметая свою ногу» [4, л. 8 об., 9 об., 13. Второе предисловие]; «отсечение, аки удъ гнилъ здраваго телесе» [4, л. 559 об. Первое послесловие и мн. др.

Хотя авторы второго предисловия предупредили читателей, что «въпросте сие предисловие вамъ плетено» [4, л. 12], однако наполнили текст собственными экспрессивными же метафорическими высказываниями книжного стиля: «верами хвалятся <…> хвалятся всехъ мудрейши быти» [4, л. 6 об. Первое предисловие]; «злии сосуди начаша являтися»; «учение къ слабости <…> положиша»; «богодухновеное писание раздраша», «многимъ сребромъ и златомъ кипятъ»; «да осияни будемъ <…> воздухомъ» [4, л. 7 об., 8, 10, 12 об., 14] и т. п. То же в первом и втором послесловиях: «злии сосуди явишася»; «забвение и неразумие надо всеми нами хвалится» [4, л. 559 об, 561 об.].

В общем, «трехслойность» «Кирилловой книги» возникла при добавлении русских предисловий и послесловий.

Но имела ли какой-либо смысл получившаяся жанровая и фразеологическая разнотипность частей книги? Думается, такая разнотипность что-то значила эстетически. Недаром авторы предисловий сравнили книгу с неким ювелирным изделием, говоря о «книзе, яко бы о некоторомъ драгоценномъ низе» [4, л. 6]; и повторяли: «сия предобрая книга <…> аки бисерцемъ драгимъ унизана» [4, л. 7]; «сия блаженная книга чести́, аки каме ние драгое и бисерие нести» [4, л. 15]. Заботу издателей о красивой трехслойности книги, пожалуй, подтверждала и трехслойность же композиции ее заставок: заставки в центре — большие [4, л. 1 третьего счета и л. 85], вокруг заставки центра — средней величины [4, л. 2 первого счета и л. 413, 506], а заставки по краям — малые [4, л. 1 первого счета и л. 547]. Однако «заставочный» центр книги не совпадает с ее жанровым ядром, а в самом конце книги помещена не маленькая, а средняя заставка с крупным пышным инициалом [4, л. 558], что свидетельствует все-таки в пользу случайности или недостаточной осознанности идейными публицистами того, что у них стало складываться эстетически. Свирепые идеологические цели мешали литературно-эстетическому творчеству.

Есть ли структурные аналогии «Кирилловой книге»? Можно предположить о предрасположенности к «трехслойности» композиции именно у украинских книг при их пересадке на русскую почву. В частности, некоторое структурное сходство с «Кирилловой книгой» можно усмотреть у московского издания 1648 г. «Грамматики» Мелетия Смотрицкого: «ядро» — сама «Грамматика»; первая «оболочка» — богословские сочинения внутри предисловия; вторая, внешняя «оболочка» — собственно предисловие и послесловия. Но и тут не замечается эстетической осмысленности московскими издателями подобной, к тому же, не очень отчетливой «трехслойной» структуры «Грамматики». Да и русская добавка в книге только одна — послесловие, заключающее издание. Сугубо прагматичное учебное восприятие книги тоже отвлекало московских издателей от литературной деятельности.

Но сказанное не относится к самому Мелетию Смотрицкому. О филологическом значении «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1648 г. написано много, но имеет ли этот труд отношение к древнерусской литературе? Наши наблюдения в некотором роде являются дополнением к монографии Л.Г. Дорофеевой «Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века»)» [3], и вот в чем.

Литературная выразительность изложения «Грамматики» явственней всего проявилась в «Предисловии» и затем в повествовательных примерах к грамматическим категориям, создающих впечатляющую картину поведения смиренномудрого человека благодаря повторам, параллелизмам, сравнениям и противопоставлениям. Главное его качество — вкрадчивая «тихость»: «имети <…> ступание *кротко*, гласъ *умеренъ*, слово *благочинно*, пищю и питие *немятежно*, при старейшихъ *молчание*, при мудрейших *послушание*<…>, *мало* вещати <…>, *не избыточествовати* беседою <…>, женамъ нечистымъ *не беседовати*, *долу* зрение имети» и т. п. [1, л. 17 — 17 об.][7]. Смиренный человек самоуглублен: «почерпе *в себе* премудрость, яко же губа (*губка*) воду» [1, л. 6, 10]; у него «прияту быти закону не въ скрижалехъ каменныхъ, но *в скрижалехъ сердецъ* плотянъ» [1, л. 35 об.].

Отсюда разительное отличие умиротворенной обстановки вокруг смиренномудрого человека от дикости буйного субъекта: «Словеса мудрыхъ *в покои* слышатся, паче клича обладающихъ *в безумии*»

[7] «Грамматика» цит. по: [1].

[1, л. 1 об.]; «сердце мудрыхъ в дому *плача*, сердце же неразумныхъ в дому веселия» [1, л. 283 об.]; «кая община *волку* со *агнцемъ*, тако же и грешному со благочестивымъ?» [1, л. 297 об.].

Но в реальной жизни, по выразительным же высказываниям в «Грамматике», смиренномудрый человек вовсе не бездеятелен: «чти *прилежно*, моляи *усердно*, испытая *опасно*» [1, л. 317]; «стихи *соплетаетъ*, или повести *изъявляетъ*, или послания *посылаетъ*» [1, л. 43]; «еллинскую мудрость, яко плат паучины, *растерза*» [1, л. 14]; «в мале времене *многа извыче*» [1, л. 5 об.]. Смиренномудрый человек устойчив в бурном мире, как «корабль бе ядрилы (*парусами*) воскреляемь и бременмии обносимь по водамъ, духа ветру дыхающу и зефировидне о кормило воздувающу» [1, л. 9].

Идеал смиренномудрого человека, сформулированный лапидарно: «живетъ *беспечаленъ*, умираетъ *юнъ*, вменяется *святъ*» [1, л. 300].

Все эти риторически искусные высказывания были внесены в текст «Грамматики» Мелетием Смотрицким, а не московскими редакторами его книги. На это указывает отсутствие темы смиренномудрого человека в произведениях, добавленных в издание 1648 г. Михаилом Роговым и Иваном Наседкой. Сам Мелетий Смотрицкий вряд ли намеревался создать именно риторическое пособие. Поэтому такие характеристики кратки и мимолетны. Просто при поисках подходящих примеров для «Грамматики», по-видимому, первыми ему вспоминались традиционные высказывания о смиренномудрых людях и традиционные же детали, к ним относящиеся.

Однако творчеством Мелетия Смотрицкого мы в данном случае не станем заниматься, а попытаемся затронуть иной вопрос: актуально ли было изображение смиренномудрого человека для русской литературы во время выхода «Грамматики» 1648 г. (тем более что она напечатана без обозначения имени автора).

Сразу вспоминается, конечно же, «Повесть об Улиянии Осорьиной», особенно ее вторая редакция конца 1630-х — начала 1640-х гг. (по датировке М.О. Скрипиля [5, с. 272]). Улияния и есть смиренномудрый и притом деятельный персонаж — с такими же элементами выразительности рассказа о персонаже: «*послушание* велие имяше <…> по всем *смирение* и *молчание* любяше <…> и *послушание* имяше ко всякому человеку. Бе бо нравом издетска *кротка и молчалива*, *небуява*, *невеличава* <…> Точию о прядиве и пяличном деле *прилежание*

велие имяше, и не угасаше светильник ся всю ночь» и пр. [4, с. 285]. Кроме того, Улияния «любя божественных книг чтения послушати и, еже аще кое слово слышавше, внятно внимаше и толковаше вся неразумныя словеса» [4, с. 299].

Московское издание «Грамматики» 1648 г. не опоздало с выразительным настаиванием на теме смиренномудрия. В конце 1640-х гг. московские верхи усиленно требовали благочинного поведения от неспокойных общественных низов [2, с. 420–422]. Недаром московские редакторы сохранили в «Грамматике» броское по форме и карикатурное по содержанию изображение типично краснорожего и громогласного российского человека, отнюдь не смиренномудрого: «Именемъ Петръ, лицемъ черменъ, зубами белъ, власатъ главою, *варваръ* гласомъ, московитинъ родомъ» [1, л. 289 об.].

В целом же Мелетий Смотрицкий положил начало традиции русских грамматик обязательно с выразительными примерами, создающими вкупе картину эстетически ценную для своего времени и любопытную для нас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

До сих пор отсутствует описание всего состава «Кирилловой книги». Приводим краткое и пронумерованное нами перечисление ее 17 статей, чтобы наглядно показать жанровую структуру книги. Начала и концовки статей не цитируем, главы и разделы внутри цельножанровых произведений не указываем для компактности предлагаемого описания.

1. Л. 1–1 об. Первое оглавление: «Сказание главамъ, яже суть въ книзе сей. Книга иже во святыхъ отца нашего Кирила архиепископа иерусалимского на осмыи векъ».

2. Л. 2–5. «В сей же книзе избрания от многих святых отецъ писании о нужнейшихъ потребах, пристоящихъ к нашей православной вере».

Л. 5 об. Пустой.

3. Л. 6–6 об. Первое «Предисловие и сказание въкратце о добрей сей и блаженней книзе». Стихотворное.

4. Л. 7–14. Второе предисловие. «Предваршему же убо по сихъ написанию по краегране сию имущю сложение сицево люботрудне чтущим книгу сию». Стихотворное.

5. Л. 14–15. Третье предисловие без заглавия «о сей акростихиде».

6. Л. 15. Четвертое предисловие без заглавия: «начинается <…> книга чести́». Стихотворное.

Л. 15 об. Пустой.

7. Л. 1–4 об. второго счета. «О книгах, их же приятъ соборная апостольская церковь и их же подобаетъ чести православнымъ христяномъ»

8. Л. 5–8 об. «Книги ложныя, ихъ же не подобаетъ чести и держати православнымъ християномъ».

Л. нн 1 — нн. 1 об. Пустые.

9. Л. 1–82 третьего счета. «Иже во святых отца нашего Кирилла патриарха иерусалимскаго сказание на осмыи векъ» в 9 главах.

Л. 82 об. Пустой.

10. Л. 83–546 об. «Избрание от многих святых писании о святейи животворящей Троице <…> и о инехъ многихъ нужнейших потребахъ <…> и на богомерзъскихъ латинъ <…> обличителная словеса» в 47 главах.

Л. 83–94. Гл. 1. «Слово о святей Троице».

Л. 94 об. — 97. «Толкование, како явися Богъ Аврааму въ Троице».

Л. 97 об. — 101 об. Гл. 2. «О превечномъ божественомъ рождестве господа нашего Исуса Христа <…>».

Л. 102–105. Гл. 3. «Описание пророческихъ о <…> человечестве Христове».

Л. 105 об. — 115. Гл. 4. «О пророцехъ, иже пророчествоващя о божестве и о Христове рожестве <…>».

Л. 115 об. — 118 об. «О еллинскихъ мудрецехъ, иже отчасти пророчествоваху <…> о рожестве Христове <…>».

Л. 119–124. Гл. 6. «От писании апостольскихъ <…> о человечестве господа нашего Исуса Христа.

Л. 124–126. Гл. 7. «О божестве святаго Духа».

Л. 126–135 об. Гл. 8. «О исхождении святаго Духа».

Л. 136–145. Гл. 9. «Ответы досадителемъ <…> божеству Христову».

Л. 145 об. — 159. Гл. 10. «О святых иконахъ <…>».

Л. 159 об. — 161 об. Гл. 11. «О томъ, когда <…> иконоборство восстало <…>».

Л. 161 об. — 165 об. Гл. 12. «Иконоборцемъ <…> нашъ ответъ».

Л. 166–178. Гл. 13. «О кресте, видимомъ знамении <…> страшнаго пришествия <…>».

Л. 178–183 об. Гл. 14. «О кресте, чего ради знаменуемъ лице свое крестеобразно».

Л. 184–185. «О том же крестномъ знамении <…> Максимъ Грекъ пишетъ въ своей книзе сице».

Л. 185 об. — 189 об. Гл. 15. «О хождении со кресты <…>».

Л. 189 об. — 198 об. Гл. 16. «О святомъ посте <…> и противникомъ ответы».

Л. 199–202. Гл. 17. «О пречистомъ теле и крове Христове <…> ответъ противнымъ».

Л. 202–204 об. Гл. 18. «О исповедании греховъ въ церкви пред священники <…>».

Л. 204 об. — 207. Гл. 19. «Ответъ ко арияномъ <…> о пречистей Богоодице <…>».

Л. 207 об. — 208. Гл. 20. «Родословие святыя Богородицы».

Л. 208–214 об. Гл. 21. «О похвале и о чести святыхъ божиихъ угодникъ <…>».

Л. 214 об. — 218. Гл. 22. «О молитве святыхъ <…> о насъ».

Л. 218–222. Гл. 23. «О отшедшихъ света сего, иже о нихъ памяти творити <…>».

Л. 222 об. — 226. Гл. 24. «О понурении новокрещенцовъ и крещении детей <…>».

Л. 226 — 232 об. Гл. 25. «О римскомъ отпадении <…>».

Л. 232 об. — 241 об. Гл. 26. «О латынскихъ ересехъ».

Л. 241 об. — 261 об. Гл. 27. «Ереси римския <…>».

Л. 261 об. — 262 об. Гл. 28. «О несогласии еретиковъ» <…>

Л. 263–266. Гл. 29. «О Люторе и его ереси».

Л. 260 об. — 267 об. Гл. 30. «О арменской ереси».

Л. 267 об. — 270. Гл. 31. «О посте арменскомъ <…>».

Л. 271–273. Гл. 32. «Прение святаго Илариона епископа мс манихеи».

Л. 273 об. — 277. Гл. 33. «Прение святаго Илариона со армены».

Л. 277 об. Пустой.

Л. 278–308 об. Гл. 34. «О опреснокахъ и о агньце <…>».

Л. 308 об. — 356 об. Гл. 35. «О пременении дней и праздниковъ».

Л. 357–412 об. Гл. 36. «Преподобнаго Максима Грека <…> слово на латиновъ <…> в семъ слове 23 слова».

Л. нн. 1 — нн. 1 об. Пустые.

Л. 413–431 об. Гл. 37. Первое послание: александрийского патриарха Мелетия «указание от богословскихъ писмъ».

Л. 431 об. — 435 об. Гл. 38. Второе послание: Мелетия «князю острозскому Василию и прочимъ православным <…> княземъ всея Малыя Росии» 1594 г. марта 8.

Л. 436–450 об. Гл. 39. Третье послание: Мелетия про «новое изобретение латинъ».

Л. 451–467. Гл. 40. Четвертое послание: Мелетия «князю Василию и прочимъ православнымъ и велможнымъ княземъ всея Малыя Русии» 1596 г. августа 30.

Л. 457–481 об. Гл. 41. Пятое послание: Милетия «православнымъ россом <…> кралевъства польскаго живущымъ» 1597 г. июля 23.

Л. 482–489. Гл. 42. Шестое послание: Мелетия «Гедиону боголюбезнейшему епископу львовскому <…> со всеми православными Малыя Росии людми» 1597 г. августа 4.

Л. 489 об. — 491 об. Гл. 43. Седьмое послание: Мелетия «князю Василию <…> острозсклому <…> и всемъ <…> православныхъ християнъ» 1597 г. апреля 4.

Л. 492–494. Гл. 44. Восьмое послание: Мелетия «братствамъ, иже в Росии обретающимся» 1597 г. августа 24.

Л. 494–500 об. Гл. 45. Девятое послание: острожского князя Константина «сопричастником святыя восточныя церкве <…> области полького господьства» 1595 г. июля 24.

Л. 501–505 об. Гл. 46. Десятое послание: «князю Василию <…> гражданомъ во благочестии обретающимся еще в Лятской земли от святыя Афонския горы скитъствующихъ».

Л. 506–546 об. Гл. 47. «Фотия патриарха Констянтина града послание учително о седми соборехъ <…>».

11. Л. 547–548 об. «Симво́лъ александрийскаго патриарха Афанасия.

12. Л. 549–550. Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского «вопросы и ответы о богословии».

13. Л. 550 об. — 552. «Святаго Максима изложение о вере» в вопросах и ответах.

14. Л. 552 об. — 556 об. «Истолкование: Господи Исусе Христе, боже нащъ, помилуй насъ».

15. Л. 557–557 об. «Об образе святыя Троицы».

16. Л. 558–561. Первое послесловие: «Описание сея предобрыя книги, како по царьскому велению напечатана бысть».

17. Л. 561 об. Второе послесловие без заглавия: «за недоумение грубости <…> пощения просимъ».

8. Путешественники в рукописном сборнике XVII в.

Рукописный сборник РГБ, Тихонравов., № 18, 4°, 318 л. [2, с. 6–7] датируется временем после 1660 г. (в нем переписно «Житие Алексия человека Божия» из сборника переводов Арсения Грека, изданного в Москве в 1660 г.). Сборник переписан одним составителем и сплошь повествовательный: он содержит сказания, повести, жития, «слова», «Космографию» и вопросы-ответы типа «Беседы трех святителей».

Если просмотреть сборник в целом, то можно заметить, что буквально во всех его 22 произведениях повторяется мотив поездок и путешествий разных персонажей. Не станем указывать произведения, а лишь обозначим листы сборника.

Сравнительно часто персонажи направлялись в три места. Во-первых, в Вавилон: «приидох в Вавилон-град <…> прииде на реку Севастиан» [3, л. 18 об.]; «ходили три мужи Вавилоню-граду <…> стоя со всею силою на вавилонскомъ рубежу» [3, л. 188, 190]. Во-вторых, следовали в Египет: «идущу во Египет, имуще велблуды» [3, л. 199]; «сниде во Египет» [3, л. 220 об.]. В-третьих, посещали Иерусалим: «идуща на море <…> во Иерусалимъ <…> взыдох во Иерусалим» [3, л. 281 об., 283].

Но обычно персонажи удалялись в самые разные места: «бежа в Фарсисъ» [3, л. 11]; «прииде от Персиды <…> въ Диасполе-граде» [3, л. 10 об.]; «пришедши <…> ко граду Иконийскому» [3, л. 110 об.]; «преселися от римскаго града в Царьграду» [3, л. 151]; «бежаше <…> чрезъ Сирию и плаваше в Лаодикию <…> и отиде сушею во Едесъ» [3, л. 247 об.]; «иде во Ираклию» [3, л. 261] и т. д. и т. п.

Кстати, поездки персонажей в русские города и из Руси тоже упоминались: «приехавъ на Волгу <…> и прииде к Смоленску» [3, л. 79 об. — 80]; «прииде от Смоленска-града въ Ярославль» [3, л. 87 об.] и пр.

Рисковали персонажи пользоваться морями: «посреди моря от земли <…> несъ нас корабль во тму» [3, л. 18 об.]; «идет в корабль

и внесетъ его Богъ ветром во единъ остров морский» [3, л. 138]; «выезжают на великое море-окиянъ и многия корабли гросятъ» [3, л. 169 об. — 170]; «бывшу на мори воста ветръ великъ, уже бо кораблю хотящу разбитися волнами великими» [3, л. 179]; «пройде сквозе Черное море» [3, л. 306 об.] и мн. др.

Но все же предпочитали персонажи взбираться на горы или добираться до гор: «взыде на гору Елеонскую» [3, л. 51]; «взыдох на гору Фаворскую» [3, л. 63 об.]; «приехав на гору» [3, л. 99 об.]; «извед <…> на гору некую близъ сущи рая» [3, л. 122 об.]; «горы стекляные <…> и туто ходил до тех гор» [3, л. 164].

Еще охотнее персонажи водворялись в пустыню: «прибегоша в пустыню межю чаховъ и ляховъ» [3, л. 83 об.]; «прииде в пустыню Савы» [3, л. 128 об,]; «идущу же ему по пустыни» [3, л. 196 об.]; «сквозе пустыню ходя» [3, л. 277]; «приидохъ же в сию пустыню» [3, л. 286]; «ходивъ же по пустыни <…> дойде места поточнаго и ста на брезе» [3, л. 292].

И вообще — движение шло по всей земле: «пойде от всего животнаго по двое въ ковчегъ ис пустыни и со воздуха» [3, л. 125], а потом люди «поидоша на двенадесят страны земли» [3, л. 127]; далее «человецы <…> начнут бегати и крытися в горах и пещерах» [3, л. 140]; «ездять из иных государствъ» [3, л. 171]; «востающу когождо от своего места и собирающихся от конецъ земли» [3, л. 220 об.].

Не только люди, но и животные пребывали в движении: «птицы, летающыя по воздуху <…> гады, пресмыкающияся по земли» [3, л. 6]; «тридесятимъ китамъ оттити от местъ своихъ <…> о конецъ морских» [3, л. 125 об.]; «парити, яко птици по морю» [3, л. 129 об.].

Не только по всей земле двигалось все сущее, но люди следовали еще в ад или рай. Грешники спускались в ад: «идем во тьму кромешную <…> идем во ад преисподний» [3, л. 42 об. — 43]; «во тму кромешную поити ны есть» [3, л. 69]; «сии будут послани в преисподняя <…> будут во тму кромешную [3, л. 71 об. — 72].

И редко кто попадал в рай: «Господь же взем Адама за руку и веде Адама во святий рай» [3, л. 4 об.]; «и взыде на небесныя обители» [3, л. 81 об.]; просили: «да покажеши нам путь <…> како приити нам от земли на небо» [3, л. 263]; «Моисей-пророк на горе Синайстей несенъ бысть аггеломъ в рай» [3, л. 316 об.].

Наконец, «путешествовали» не только земные существа, но и сам Бог: «сниде Господь по воздуху на море Тивириадское» [3, л. 6]; «Господь же сниде на землю» [3, л. 8]; «прииде Господь в рай» [3, л. 10]; «слезе Господь во адъ» [3, л. 182 об.]; «Спасъ же нашъ <…> вшед на небеси облаком светлым» [3, л. 194 об.] и т. п.

Ангелы и архангелы занимались тем же: «сниде аггелъ Господень с небесе» [3, л. 20]; «пойдутъ с небеси силы аггелския» [3, л. 27 об.]; «раздернутся небеса <…> и снидет на землю множество аггелъ» [3, л. 69 об.].

Нечистые силы тоже в пути: «аки капли дождевныя, тако паде сила бесовская <…> попадали на землю искрою» [3, л. 8 об.]; антихрист «возносится до небесъ, а исходитъ до ада» [3, л. 65]; «дуси лукавии со антихристом <…> имъ итти во тму кромешную» [3, л. 70 об.]; «антихристъ же с полком своимъ вознесется на воздухъ на облацех пред Богомь» [3, л. 146].

Персонажи двигаются во всех повествовательных произведениях древнерусской литературы — это традиционно; но в данном сборнике персонажи все как на подбор заняты именно дальними походами, переездами, плаваниями или полетами. Составитель сборника чаще лишь подразумевал дальность таких «путешествий», однако в собранных им памятниках время от времени прямо обозначались дальность путей в днях или в «поприщах» и «трудъ путный» того или иного ходока, когда тот «изнемий тещи уже» [3, л. 277 об. — 278], «идущу же ему <…> издалеча» [3, л. 196 об.], «удалихся бегающи [3, л. 286]. Специально подчеркивалась отдаленность эдема: «достигнути до блаженнаго рая невозможно, потому что рай блаженный от земли отдаленъ бысть» [3, л. 163 об.]. Тем более глубок был ад: «пропасть велика» [3, л. 182 об.]; «подняти камен и низпустит во ад, йдет три лета и не дойдет до дна» [3, л. 298; ср.: л. 70 об.].

Чем объяснить склонность неизвестного нам составителя сборника к подбору произведений с повторяющимся мотивом дальних путешествий? Конкретно сказать об этом пока нельзя. Но в общем виде можно сослаться на дух времени середины — второй половины XVII в., когда в литературе стала популярной тема вольных или вынужденных дальних странствий. Напомним о повестях — о Еруслане, о Савве Грудцыне, о Горе-Злочастии, о Соломоне, о роскошном житии, о веселии, о переводных повестях, а также о «Житии» про-

топопа Аввакума и о «Комидии притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого.

Все эти странствия, скитания и путешествия обязательно сопровождались потрясениями и приключениями, удивительными, тягостными и нередко трагическими, что мы наблюдаем и в данном сборнике РГБ, Тихонравов., № 18.

В сборнике РГБ, Тихонравов., № 18 обнаруживается любопытная фразеологическая перекличка между путешествующими героями «Сказания о Борисе и Глебе» [3, л. 74–85] и «Слова об Иосифе Прекрасном» из «Паренесиса» Ефрема Сифина [3, л. 193–223].

После сугубо предварительного текстологического анализа предполагаем следующее. «Слово об Иосифе» было использовано, вероятно, еще при создании «Сказания о Борисе и Глебе». Сравним древнейшие списки «Сказания о Борисе и Глебе» (ГИМ, Син., № 1063/4, конец XII — начало XIII вв.) и «Слова об Иосифе Прекрасном» (РГБ, Троицк., № 7, XIII в.), а также оба эти текста в рассматриваемом сборнике Тихонравов., № 18. Вот наиболее заметные параллели, причем их нет в библейском рассказе об Иосифе в Библии.

«Слово об Иосифе»	**«Сказание о Борисе и Глебе»**
ни паки азъ преподобныхъ твоихъ сединъ не узрю [4, л. 220 — 220 об.; 3, л. 198 об.];	ни съподобленъ быхъ целовати добролепных твоихъ сединъ [1, с. 20];
не буди рука наша на нашемь брате [4, л. 220 об.; 3, л. 199];	не буди ма възяти рукы на брата своего [1, с. 33];
Иакова призвахъ, и гласа моего не услыша. Се ныне и тебе призвах, и ни ты мене хощеши услышати [4, л. 221; 3, л. 200].	Отца моего Василия призъвахъ, и не послуша мене. То ни ты хочеши мене послушати [1, с. 42].

Из сопоставления видно, что автор «Сказания» помнил одно место из «Слова об Иосифе Прекрасном» Ефрема Сирина и вольно использовал его в разных местах «Сказания».

Однако на каком-то этапе редактирования «Слова об Иосифе Прекрасном» произошло противоположное: «Сказание о Борисе о Глебе» в свою очередь, но тоже вольно и притом более обильно было исполь-

зовано в «Слове об Иосифе», что мы видим на примере списка второй половины XVII в. В старейшем же списке «Слова об Иосифе» таких мест не было.

«Сказание о Борисе и Глебе»	**«Слово об Иосифе»**
Увы мне <…> увы мне <…> увы мне, увы мне [1, с. 29];	Увы мне, увы мне <…> увы мне, увы мне [3, л. 203];
бе любимъ Борисъмь паче меры [1, с. 35];	аз бех любила Иосифа без меры [3, л. 212 об.];
отъ двою плачю плачюся и стеню, дъвою сетованию сетую и тужю [1, с. 39];	две убо сетовании и два плача [3, л. 203 об.];
уне бы съ тобою умрети ми <…> узьрети лице твое ангельское <…> и вси отъ страха омьртвеша [1, с. 40];	уне мне есть умрети [3, л. 214 об.]; насытитися аггелскаго твоего образа [3, л. 216]; «и сташа яко мертви от страха» [3, л. 219 об.];
яко агня непорочьно и безлобиво [1, с. 43].	яко агня незлобиво [3, л. 219 об.].

Таким образом, «Сказание о Борисе и Глебе» и «Слово об Иосифе Прекрасном» явились текстологическими «побратимами», что было вызвано у книжников исконным осознанием сходства судеб вынужденных путешественников обоих произведений. Недаром в старейшем списке «Сказания» уже упоминалась встреча «яко же Иосифъ Вениамина» [1, с. 30].

В сборнике РГБ, Тихонравов., № 18 примечателен еще один возможный факт влияния более позднего древнерусского произведения на более ранний переводный памятник. В сборнике на л. 63 об. — 73 переписано «Слово Иоанна Богослова о шествии Господне на землю» (иначе — «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской»), но этот список второй половины XVII в. по композиции и по составу отличается от списка XV в. того же «Слова», опубликованному Н.С. Тихонравовым [6, с. 174–204]. В частности, в списке второй половины XVII в. есть отрывок, отсутствующий в списке XV в., и в этом

отрывке XVII в. употреблены выражения «гласомъ трубы рожаны» и «вострубят пред зорями» [3, л. 67 об.], напоминающие «Задонщину». Ср.: «на щите рожены, под трубами поють <…> громъ гремить рано пред зорею» [5, с. 549. Кирилло-белозерский список XV в.]. Откуда эти выражения «принесло» в «Слово» Иоанна Богослова, пока не ясно.

Вот данный отрывок из списка второой половины XVII в. «Слова» Иоанна Богослова: «Тогда послю аггелъ моих Михайла и Гавриила, и возмета рога овия, лежаща на облацех, и снидета вне удесней, и вострубят в рога та в полунощи, яко же рече пророкъ Давидъ: “*Гласомъ трубы рожаны*”. Услышится от конецъ до конецъ всеа земли, от гласа того потрясется земля. Тогда телеса умерших оснуются, яко паучина. И вострубятъ вдругоряд. И абие телеса созиждутся развее души. И егда *вострубят пред зорями*, тогда воскреснет всяка плот человеческая от конца до конца всеа земли вселенныя» [3, л. 67 об.].

Таково последнее «путешествие» человечества.

9. Стихи в структуре сборника конца XVII в.

Причины появления вирш в древнерусских произвпедениях и сборниках XVII в., честно говоря, до сих пор не совсем понятны, потому что многообразны и требуют анализа в каждом отдельном случае. Вот перед нами сборник-конволют конца XVII в. с прозой вперемешку с виршами. Пытаемся понять, зачем понадобились вирши составителю конволюта.

Большой рукописный сборник РГБ, Тихонравов., № 499, 4°, 630 л., был кратко и очень неполно описан Г.П. Георгиевским [1, с. 91]. Поэтому далее приводим более подробное его описание. Так как у сборника нет начала и конца и писан он несколькими разными почерками (пятью или даже шестью), то, не занимаясь историей создания сборника, рассматриваем его в таком виде, в каком он до нас дошел.

Сборник датируется временем не ранее 1682 г. Ведь в конце его [2, л. 621–630 об.] переписано поучение патриарха Иоакима, а оно было издано в Москве отдельной книжечкой в 1682 г. Несмотря на дефектность рукописи, можно усмотреть любопытную закономерность в последовательности статей сборника: в этом конволюте вы-

деляется по крайней мере шесть частей, и каждая часть, начинаясь с поучений или справочных материалов, обязательно завершается стихами или виршами (кроме незаконченной шестой части). Первая часть [2, л. 1–14 об.] завершается виршами на рождество Христово. Вторая часть [2, л. 16–313] завершается стихами о Страшном суде и о пустыни. Третья часть [2, л. 313 об. — 316] заканчивается стихами о Богородице. Четвертую часть [2, л. 316 об. — 372] отделяет от пятой стихотворное наставление слуге (см. Приложение). Наконец, в конце пятой части [2, л. 373–589 об.] находится стихотворная же повесть Симеона Полоцкого о Варлааме и Иоасафе. Какой-либо тематической или фразеологической связи стихов с предыдущими статьями не наблюдается. Шестая часть [2, л. 590–630 об.], возможно, утеряла вирши.

Объясняется подобное построение, вероятнее всего, формально-эстетическим настроем анонимного составителя на внешнюю экспрессивность и выразительность статей, на стройность структуры сборника. Поэтому и все прозаические выписки в сборнике торжественны и высокопарны, или ярко предметны, либо наглядно-перечислительны. Перед нами сборник уже местами заметно литературный, но еще «нарезанный» на неравные части, не цельный и не художественный. С историко-литературной точки зрения такой сборник входил в состав обширного «предместья» литературы.

Состав сборника

Л. 1–4. Нравоучительные изречения по алфавиту. Без начала.

Нач.: «Славословие приноси <…> душю возводи.

И. Иже кто о благом имат усердие <…>.

І. Истину люби <…> глаголющаго Господу.

К. Къ Господу всегда узсвои <…> единен будеши.

Л. Любити Бога <…> пристрастия земнаго свободишися.

Кон.: [Фита]. «Фарисейского тщеславного лицемерия <…>.

[Ижица]. «Истинному во Троице славимому Богу <…> Аминъ».

Л. 4 об. — 5. Выписка из неустановленного источника.

Загл.: «Выписано ис Книги Заточника. Начало сице».

Нач.: «Поощряетъ и учит тя всегда труждатися премудрыии Соломонъ, глаголя».

Кон.: «тамо же радость и веселие».

Л. 5 об. — 6 об. Выписка из послесловия к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. Без конца.

Загл.: «Выписано ис писмяного апостола».

Нач.: «Изволениемъ Отца, и поспешениемъ Сына, и совершениемъ святаго Духа, повелением милостиваго царя и великого князя Ивана Василевича всея Руси самодержца».

Кон.: «на составление печатному делу и къ их упокое».

Л. 7–14 об. Вирши на рождество Христово.

Загл.: «О рацеи, или Стихи обшии на рождество Христово».

Нач.: «Мессия правдивыи намъ родися,
Богъ существом человекъ явися».

Кон.: «В знамя его ж тебе почитаю,
До лица земного по» (*окончание обрезано*).

Л. 15–15 об. Пробы пера.

Нач.: «Азбука по алфавиту <…> Господи, поспеши».

Кон.: «Сия книга святцы с летописми».

Л. 16–128. Месяцеслов.

Загл.: (Месяцослов з Богомъ святымъ всего лета».

Нач.: «Месяцъ септеврии имеяи днеи 30».

Кон.: «31 <…> принесену от епископии Зилы в царствующии град в [ле]та 6450».

Л. 128 об. Пустой.

Л. 129. Краткое поучение.

Без заглавия. Начало статьи обрезано.

Нач.: «приходит. Ту свобода есть согрешениям».

Кон.: «яко тои Бога узрит. Тому слава до веку».

Л. 129 об. Пробы пера: «Цыферного художества книга»

Л. 130–306. Служба и житие Николая Чудотворца.

Загл.: «Месяца декемвриа въ 6 день <…>».

Нач.: «Миромъ божественнымъ помаза тя божественна благодать духовная».

Кон.: «и посла ангела своего добраго оного мужа. А[минь]».

Л. 306 об. — 308. Пробы пера: «велики князь»; «Служба Николая Чудотворца», «Повестъ о чюдесехъ святаго Николая чюдотворца»; «триста четыре листа» и пр.

Л. 308 об. — 310. Титульный лист 1649 г. книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». М., 1647.

Без заглавия.

Нач.: «Бога единаго, в троицы славимаго, и во единстве покланяемого». Далее следует полный титул царя Алексея Михайловича.

Кон.: «А печатана сия книга в великопрестолном царствующем граде Москве лета 7187-го» (*писец ошибочно указал год: вместо буквенной цифры Н написал привычное ему П*).

Л. 310 об. Пустой.

Л. 311–312. Стихи о Страшном суде.

Загл.: «Стиси греческого певания».

Нач.: «Плачуся и возрыдаю,
егда он час помышлаю».

Кон.: «тебе поклон и пение,
честь, и хваление,
и слава Христу-царю и богу всех, спасу всех по веки вечныя».

Л. 312–313. Стихи о пустыни.

Без заглавия.

Нач.: «О, прекрасная пустыни,
прими мя в свои частвины».

Кон.: «мене грешнаго сподоби
и от вечных мукъ свободи».

Л. 313 об. — 315 об. «Слово» инока Антиоха о пьянстве.

Загл. «Месяца октовриа 7-го дня. Слово святаго Антиоха о пиянстве».

Нач.: «Пиянство паче обядения горши есть и зело отречено святыми книгами».

Кон.: «блюдитеся, да не отягчают сердца ваша обядениемъ, и пиянством, и печалми житеискими».

Л. 315 об. — 316. Стихи о Богородице.

Загл.: «Стихъ».

Нач.: «О, дево произбранная,
небесъ сущи прехвалная».

Кон.: «на рождество превечнаго слово
и Духа святаго».

Л. 316 об. — 329. Беседа отца с сыном о женской злобе.

Загл.: «Беседа отца с сыномъ снискателно от различныхъ писании <…> о женстеи злобе <…>».

Нач.: «Послушаи, сыне, мене и внуши словеса устъ моих».

Кон.: «и в Писании обретох и все тебе изрекох» (*далее обрезано*).

Л. 329 об. — 369 об. Повесть об Аполлонии Тирском.

Загл.: «Повесть изряднейшая о Аполлоне, крале Тирскомъ <…> Начахся повесть Антиохомъ царем».

Нач.: «Антиох владетелныи, и великосилныи, и многословущии цесар греческии, иже глаголется великии».

Кон.: «и последнии денъ сотворися ему миръ. А[минь]».

Л. 370. Стих о пленении (?)

«Егда услышиши шум будящъ тебя трубныи,
избави тя и всех от вечныя муки,
никого же предаждь в татарския руки. А[минь]».

Л. 370–372. Стихотворное наставление молодому слуге.

Загл.: «Заповеди малцу, како должен есть господину своему работати».

Нач.: «Заповед первая.
Заутра восстав, тотчас крестомъ знаменаися,
за вся бии челомь Богу, но не потягаися».

Кон.: «На укорителя.
Кто умомъ искуснеиши заповеди направ,
приложи у уми или новыи справъ.
Не уничижи моя, молю, но своих
хвалися, ибо будет держатьем (?) и моихъ».

Л. 372 об. Пустой.

Л. 373–423 об. Выписка из Кормчей о степенях родства.

Загл.: «Ис Кормчие, рекше ис правил выписано».

Нач.: «Сродство впятеро разделяетца,
понеж протязается».

Кон.: «или смертию единаче, или распущением распустився вся».

Л. 424–424 об. Пробы пера: «Козмографиа». Начерчен квадрат с числами, дающими в сумме 15 и по вертикали, и по диагонали. «Видимыя и невидимъ» и пр.

Л. 425–532 об. Космография. Без конца.

Загл.: «Книга глаголемая Козмография, сииречь всеи земли описание <…>».

Нач.: «Предисловие Козмографии. Искони зиждитель и Богъ создавъ человека самовластна»

Кон.: «против же земли имеет горы, которые Македонию»

Л. 533–542. Выписка из Хронографа.

Загл.: «О князех руских ъ. Выписано <…> [Хроно]графа».

Нач.: «Родословие руских князеи. Глава 183. Первое прииде из варяг Рюрикъ».

Кон.: «а был варягъ из Заморя, и от того повелися Воронцовы. Конецъ родословия».

Л. 542–547. Выписка из Хронографа.

Загл. «Выписано ис книги Гранографа о диких людех <…> Глава 11-я».

Нач.: «По сотворении убо и по размешении языкъ начаша быти мнози человецы на земли».

Кон.: «видел многих диких людеи и древесъ и вся» (*низ листа обрезан*).

Л. 547 об. — 549 об. Выписка из Хронографа о разных островах.

Загл.: «О иных ходех».

Нач.: «И оли Мерике ходил преже некто со Христофоромъ же Испанские земли».

Кон.: «в тои стране море николи не раставывает».

Л. 549 об. — 553 об. Выписка из Хронографа.

Загл.: «Сказание о месте Медиском, идеж глаголють гробу быти Магмета-прелестника».

Нач.: «Тогда же во княжении Руския державы великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в лето 7001».

Кон.: «И оттуду сие писание к нам доиде».

Л. 553 об. — 556. Выписка из Хронографа.

Загл.: «Выписано ис тое ж книги Гранографа о царе Филиппе Македонском <…>».

Нач.: «Филиппок, царь македонскии, от рода Аркулесова».

Кон.: «еже от Амона, бога ливиискаго, во чреве у Алимпиады зачатие. Ищи, да обрящеши во Александрии».

Л. 556 об. Пробы пера. «Писана сия История в лето 7179-го» и др.

Л. 557–576 об. Посольство Захария Сугорского к Максимилиану II.

Загл.: «Сие послание к римскому кралю Максимьяну, цысарю крестьянскому»

Нач.: «В лето 7084-го году царь и великии князь Иванъ Василевичь всеа Руси о томъ послал».

Кон.: «погибнутъ и полки прокляти, уклоняющеися от заповедеи твоихъ».

Л. 576 об.: «Ся статья о Валтасаре, царе вавилонском, выписана ис книги Гранографа <…>». (*Самой повести нет*).

Л. 577–577 об. Часы дневные и ночные.

Загл.: «Часы дневныя и нощныя царствующаго и преименитаго града Москвы и окрестных градов, в которое число часы прибудутъ <…>».

Нач.: «Декабря во 12 день повpат солнцу на лето».

Кон.: «Маи 9 число <…> в дни 16, а в нощи 8».

Л. 578–578 об. Размеры образа Спаса в Софии новгородской.

Загл.: «Мера софеискому Спасову образу <…> в Новегороде Великомъ».

Нач.: «От столба сверхъ Спасовых власов до ризы 17 пядеи мерных».

Кон.: «а внутри около шеи 12 сажен. Выписана мера о Спасове образе из Нехадвы (?) книги».

Л. 578 об.: «Притча. Минувшее хвалимъ, наставшему дивимся, будущаго чаемъ».

Л. 579–589 об. Симеон Полоцкий. История о Варлааме и Иоасафе. М., 1680.

Без заглавия.

Нач.: «Предисловие к читателю.
Благо есть книги святыя читати
и полезная от них собирати».

Кон.: «Бога-отца величая,
Духа свята прославляя.
Аминъ».

Л. 589 об. Проба пера: «Аминь. Никто же притекая».

Л. нн. — нн об. Пустые.

Л. 590 — 620 об. Иоаким. Поучение всем православным христианам. М., 1682.

Без заглавия.

Нач.: «Во имя Отца, и Сына, и святаго Духа. Аминь.

Иоакимъ, милостию Божиею патриархъ <…> Во Господе возлюбленнему святыя восточныя православныя церкве сыном всемъ».

Кон.: «нашея мерности благословение архиереиское вамъ всемъ во благое подаю. Аминь».

Л. нн. — нн. об. Пустые.

Л. 621 — 630 об. Соборное послание 1667 г. патриарху Макарию Антиохийскому. Без начала и без конца.

Без заглавия.

Нач.: «мрад убо некая вещъ бывает вещественного корабля окормление».

Кон.: «Лазор слепоумныи, останок нечестия Авакумова, люте».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворное наставление молодому слуге — явный и довольно корявый перевод, скорее всего, с украинского. Поэтому в нем сохраняются странные или неудобопонятные слова и невразумительные строки. Это еще один «Домострой» в когорту виршевых «Домостроев» XVII в. Переписано наставление, особенно в конце, неразборчивой и неряшливой скорописью, хотя учит аккуратности и исполнительности.

(Л. 370) Заповеди малцу, како должен есть господину своему работати.

Заповед первая.

Заутра восстав, тотчас крестомъ знаменаися,
за вся бии веломъ Богу, но не потягаися.
Поскори по сих лице измыти водою,
молися, да покажет Богъ милость с тобою.
Одежду твою очисть, штоб все чинно было,
бы на тя господину кручины не было.
Аще ж сего не сотворил, то батогов 10.

(Л. 370 об.) Заповед вторая.

Посемъ господиновы наряды разложи,
вся по чину в том месте, где лежит, наложи,
вся места любезна и вся бес порока.
Сих ради тя господинъ возлюбит отрока:
воды чисты, и ручник, щотку, гребен, мыло,
наготу, и вино, аще ему мило.
Аще ли не — батогов 22.

Третяя.

Егда сяде господинъ в гостях или в дому,

не отступи пядию, предстоящи тому.
Всегда стои, ожидая из устъ его указ его,
блюдися не спущати ока своего з него.
Сюду и сюду окомъ, а не назад себе
взираи, а токмо зри к тебе.
Батогов 15.

(*Четвертой заповеди нет.*)

Пятая.

Аще когда господинъ шлет тя в таином деле,
[и] меи разумъ покрыи таину — цел будеш на теле.
Будеш ли ключаръ винарскъ или над детями,
блюди, да не истезан будешъ батогами.
(Л. 371) Не сотвори неверства и ни в чем же ни тщеты
господину, пощади своея нищеты.
Батогов 50.

Шестая

Кручина аще кая случитца на тебе,
сие про што батоговъ чаеши на себе.
Яви господинови правду дерзновенно,
в слове бо и в лицу буде откровенно.
Ложное дело тем же не крыися, ни збегаи,
а от картъ и косторства, как змия, бегаи.
Батогов 10.

Семая (!)

Господину своему на трапезе служа,
умывши, на тарелце даваи ему нужа.
Платком белым талерки предобре потираи,
а другому готовых от рукъ не выдираи.
Буди всегда трезвенным и не обядаися,
мерно всяческих вкушаи, не буди смеяися.
Батогов 10.

Осмая

Внимаи всегда во утле нос свои вычищати,
затворена и чиста всегда уста имети.
Ноги впред не поставая, не выпиня бруха,
(Л. 371 об.) шапку под пояс заткни, проста держи уха.
Не позеваи, а главу, не ногу, накланяи,

господину, аще что будеши, подаяи.
Батогов.

Девятая

Вины не даждъ некогда не едины к лести,
да не будет господинъ смущен и в болести.
Всегда, где подобает, чти мужа стареиша,
не твори зла никому, не брани худеиша.
Из вести господину где что зло явится,
рекъ, внимаи, да и к тебе се не приближитца.
Батогов 1.

Заповед 10.

Егда в гостины идеш з господином своимъ,
то в-первых прилежи, оспытуи умом твоимъ,
Что повелит с собою взяти, что оставить,
аще хощеш ото бедъ самъ себе избавить.
Господиновых вещеи блюди всех и своих,
да не понесеши казни на лядвиях твоих.
Батогов 40.

Одиннацетая.

Идеш ли з господиномъ или живеш в дому,
соблюдаи чин свои, крепко молю, внимаи тому.
(Л. 372) Босыи въ едином портищу ходи, и надобно
повеленная внимаи, слово рци подобно.
Егда по каком деле будет тя послано,
поскори воротится, зане будет кнутовано.
Батогов 30.

Дванадесятая.

Аще ти ся прилучит слышати у кого
или зрети самому делателя злаго,
скрыи то в сердцу своем, не буди сведител,
поскорби за еюжды грех и будь покровител.
Вестеи новых и баснеи ложных не розсы[лаи],
таины ж яжвы у себе сокрываи.
Батогов 40.

Тринадесятая.

Што даеш господину, отри с праху красно,
стоя ж, опиратися блюдися опасно.

Выпадет ли што из рукъ господину твоему,
скоро подемъ, подаваи, кланяяс ему.
Не перстом, ни зепуном себе втираи носа,
но платом белохонким, да не скачеш госа (?).
Батогов 4.

Четвертаянадцет.

Аще быти послано мяхкую перину,
бодро слушаи ушима,
оком мало дремли,
возвавшу господину скоро ся подемли.
Двери, окна идыи слат, твердо вся затвори,
Добреля (?) з сапу, хропу и смрада не твори.
Батогов 5.

Пятаянадцет.

Когда случитца господину твоему подпит,
или в слове, ли в смеху от правды отступит,
что и когда глаголет, твердо слово блюди
и хранящеи отврат ловящи соблюди.
Можеш ли седа уснет господин сотворити,
ибо лучше есть спати, неж с ким бранити.

Шестаянадцет.

За сие есть похвалит: как чистую бумагу, избу держи всегда,
тем же всякъ тя возлюбит, узрит такови егда.
Да будет вещьъ всякая зри на месте своем,
не узриши батогамъ на бедре твоем.
Зметаи ст<…> по лицы и вся в ызбе лавы,
и тако сим будеши предобрыя славы.
Батогов 9.

Семаянадцет.

При поясе всегда плет носи, малче, себе,
уставы есмя будут в памяти тебе.
На укорителя.
Кто умомъ искуснеиши заповеди направ,
приложи у уми или новыи справъ.
Не уничижи моя, молю, но о своих
хвалися, ибо будет держатьем (?) и моихъ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Часть 1

1 Изборник 1076 года / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М.: Наука, 1965. 1090 с.

2 *Лихачев Д.С.* Назначение Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 179–184.

3 *Мещерский Н.А.* К вопросу об источниках «Изборника 1076 года» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 321–328.

4 Синайский патерик» / Изд. подгот. В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровина. М.: Наука, 1967. 401 с.

Часть 2

1 *Арсений*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Тип. Т. Рис, 1878. Ч. 1. 352 с.

2 Рукописный сборник РГБ. Троицк., № 12. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=012 (дата обращения: 12.02.2019).

Часть 3

1 *Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Тип. Т. Рис, 1878. Ч. 1. 352 с.

2 Рукопись «Мерила праведного» РГБ, Троицк., осн. собр., № 15. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=015 (дата обращения: 12.02.2019).

3 *Сперанский М.Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М.: Университет. тип., 1904. 830 с.

Часть 4

1 *Арсений*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Тип. Т. Рис, 1878. Ч. 1. 352 с.

2 *Архангельский А.С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань: Тип. имп. Казанского ун-та, 1890. Т. 4. 228 с.

3 *Лончакова Г.А.* Легенда о земном рае // Библиосфера. Новосибирск, ГПНТБ СО РАН, 2011. № 1. С. 19–26.

4 Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 39. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=039&pagefile=039-0013 (дата обращения: 12.02.2019).

Часть 5

1 *Арсений*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М.: Тип. Т. Рис, 1879. Ч. 3. 267 с.

2 Рукописный сборник РГБ, Троицк., Главн. собр., № 762. URL: Old.stsl.ru/ manuscripts/medium.php?col=1&manuscript= 762 (дата обращения: 12.02.2019).

Часть 6

1 *Гeориевский Г.П.* Собрание Н.С. Тихонравова. I. Рукописи. М.: Печатня А. Снегиревой. М., 1913. 127 с.

2 Памятники старинной русской литературы (ПамСРЛ). СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1862. Вып. 3 / Изд. подгот. А.Н. Пыпин. 180 с.

3 Рукописный сборник РГБ, Тихонравов., № 173. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/173 (дата обращения: 12.02.2019).

4 *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб.: Тип. Общественная польза, 1863. Т. 1. 312 с.

Часть 7

1 Грамматика. М.: Мос. печатн. двор, 1648. 388 л.

2 *Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М.: Языки русской литературы, 1998. 847 с.

3 *Дорофеева Л.Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века) // ГДЛ. М.: У Никитских ворот, 2014. Сб. 16–17 / отв. ред. М.В. Первушин. С. 9–582.

4 Кириллова книга. М.: Мос. печат. двор, 1644. 584 л.

5 *Скрипиль М.О.* Повесть об Улиянии Осорьиной // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 6. С. 256–323.

Часть 8

1 *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг.: Тип. имп. АН, 1916. 205 с.

2 *Георгиевский Г.П.* Собрание Н.С. Тихонравова. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 127 с.

3 Рукописный сборник РГБ, Тихонравов, № 18. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/18 (дата обращения: 12.02.2019).

4 Рукописный сборник РГБ, Троинк., № 7. URL: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?kol=1&manuscript=007 (дата обращения: 12.02.2019).

5 «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Тексты «Задонщины» подгот. Р. П. Дмитриева. М.; Л.: Наука, 1966. 619 с.

Часть 9

1 *Георгиевский Г.П.* Собрание Н.С. Тихонравова: I. Рукописи. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. 127 с.

2 Рукописный сборник РГБ, Тихонравов., № 499. URL: Old.stsl.ru/files/manuscripts/new2016/299/299-499/0299-0499-0377.jpg (дата обращения: 12.02.2019).

REFERENCES

Part 1

1 *Izbornik 1076 goda* [*Manuscript Collection* by Sviatoslav of 1076], eds. by V.S. Golyshenko, V.G. Dem'ianov, G.F. Nefedov. Moscow, Nauka Publ., 1965. 1090 p. (In Russian)

2 Likhachev D.S. Naznachenie Izbornika 1076 g. [The Purpose of the *Manuscript Collection* by Sviatoslav of 1076]. *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Researches of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, vol. 44, pp. 179–184. (In Russian)

3 Meshcherskii N.A. K voprosu ob istochnikakh "Izbornika 1076 goda" [To the Question of the sources of *Manuscript Collection* by Sviatoslav of *1076*]. *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Researches of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 27, pp. 321–328. (In Russian)

4 *Sinaiskii paterik* [*The Sinai Patericon*], eds. by V.S. Golyshenko, V.F. Dubrovina. Moscow, Nauka Publ, 1967. 401 p. (In Russian)

Part 2

1 Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-troitskoi Sergievoi lavry* [Description of Slavic manuscripts of the library of Trinity Lavra of St. Sergius]. Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1878. Part 1. 352 p. (In Russian)

2 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library]. Troitsk., no. 12. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=012 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

Part 3

1 Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-troitskoi Sergievoi lavry* [Description of Slavic manuscripts of the library of Trinity Lavra of St. Sergius]. Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1878, part 1, p. 352 p. (In Russian)

2 *Rukopis' "Merila pravednogo" RGB* [The manuscript of *Measure of righteousness* of the Russian State Library], Troitsk., osn. sobr., № 15. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=015 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

3 Speranskii M.N. *Perevodnye sborniki izrechenii v slaviano-russkoi pis'mennosti* [Translated collections of sayings in the Slavic-Russian writing]. Moscow, Universitet. tip. Publ., 1904. 830 p. (In Russian)

Part 4

1 Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-troitskoi Sergievoi lavry* [Description of Slavic manuscripts of the library of Trinity Lavra of St. Sergius]. Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1878. Part 1. 352 p. (In Russian)

2 Arkhangel'skii A.S. *Tvoreniia ottsov tserkvi v drevnerusskoi pis'mennosti* [Creations of the Church fathers in Old Russian writing]. Kazan', Tip. imp. Kazanskogo un-ta Publ., 1890. Vol. 4. 228 p. (In Russian)

3 Lonchakova G.A. Legenda o zemnom rae [The legend of the earthly Paradise]. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN Publ., 2011, no 1, pp. 19–26. (In Russian)

4 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Troitsk., Glavn. sobr., № 39. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=039&pagefile=039-0013 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

Part 5

1 Arsenii. *Opisanie slavianskikh rukopisei biblioteki Sviato-troitskoi Sergievoi lavry* [Description of Slavic manuscripts of the library of Trinity Lavra of St. Sergius]. Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1879. Part 3. 267 p. (In Russian)

2 *Rukopisnyj sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Troick., Glavn. sobr., № 762. Available at: Old.stsl.ru/ manuscripts/medium.php?col=1&manuscript= 762 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

Part 6

1 Georievskii G.P. *Sobranie N.S. Tikhonravova. I. Rukopisi* [Collection of N.S. Tikhonravov. 1. Manuscripts]. Moscow, Pechatnia A. Snegirevoi Publ., 1913. 127 p. (In Russian)

2 *Pamiatniki starinnoi russkoi literatury* (PamSRL) [The Monuments of Old Russian literature], ed. by A.N. Pypin. St. Petersburg, Tip. P.A. Kulisha Publ., 1862. Issue 3, 180 p. (In Russian)

3 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Tikhonravov., № 173. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/173 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

4 Tikhonravov N.S. Pamiatniki otrechennoi russkoi literatury [The Monuments of the renounced Russian literature]. St. Petersburg, Tip. Obshchestvennaia pol'za Publ., 1863. Vol. 1. 312 p. (In Russian)

Part 7

1 *Grammatika* [Grammar]. Moscow, Mos. pechatn. Dvor Publ., 1648. 388 p. (In Russian)

2 Demin A.S. *O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury* [On the artistry of Old Russian literature]. Moscow, Iazyki russkoi literatury, 1998. 847 p. (In Russian)

3 Dorofeeva L.G. Chelovek smirennyi v agiografii Drevnei Rusi (XI — pervaia tret' XVII veka) [The humble man in the hagiography of Old Russia (11th — the first third of the 17th century). *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2014, vol. 16–17, ed. by M.V. Pervushin, pp. 9–582. (In Russian)

4 *Kirillova kniga* [*Cyril's Book*]. Moscow, Mos. pechat. Dvor Publ., 1644. 584 p. (In Russian)

5 Skripil' M.O. Povest' ob Uliianii Osor'inoi [*The Tale of Juliana of Lazarevo*]. *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Researches of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1948, vol. 6, pp. 256–323. (In Russian)

Part 8

1 Abramovich D.I. *Zhitiia sviatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [Hagiography of the Holy martyrs Boris and Gleb and services to them]. Petrograd, Tip. imp. AN Publ., 1916. 205 p. (In Russian)

2 Georgievskii G.P. *Sobranie N.S. Tikhonravova* [Collection of N.S. Tikhonravov]. Moscow, Pechatnia A. Snegirevoi Publ., 1913. 127 p. (In Russian)

3 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Tikhonravov, № 18. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/fond-299/18 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

4 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Troink., № 7. Available at: Old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?kol=1&manuscript=007 (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

5 *"Slovo o polku Igoreve" i pamiatniki Kulikovskogo tsikla* [*The Tale of Igor's Campaign* and monuments of Kulikovo cycle]. Teksty "Zadonshchiny" podgot. R.P. Dmitrieva [Texts of *Zadonshchina* ed. by R.P. Dmitrieva]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 619 p. (In Russian)

Part 9

1 Georgievskii G.P. *Sobranie N.S. Tikhonravova* [Collection of N.S. Tikhonravov]. Moscow, Pechatnia A. Snegirevoi Publ., 1912. 127 p. (In Russian)

2 *Rukopisnyi sbornik RGB* [Manuscript collection of the Russian State Library], Tikhonravov., № 499. Available at: Old.stsl.ru/files/manuscripts/new2016/299/299-499/0299-0499-0377.jpg. (Accessed 12 February 2019). (In Russian, unpublished)

Об авторе / about author

Анатолий Сергеевич Демин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Anatoly S. Demin — DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: anatolydemin@gmail.com